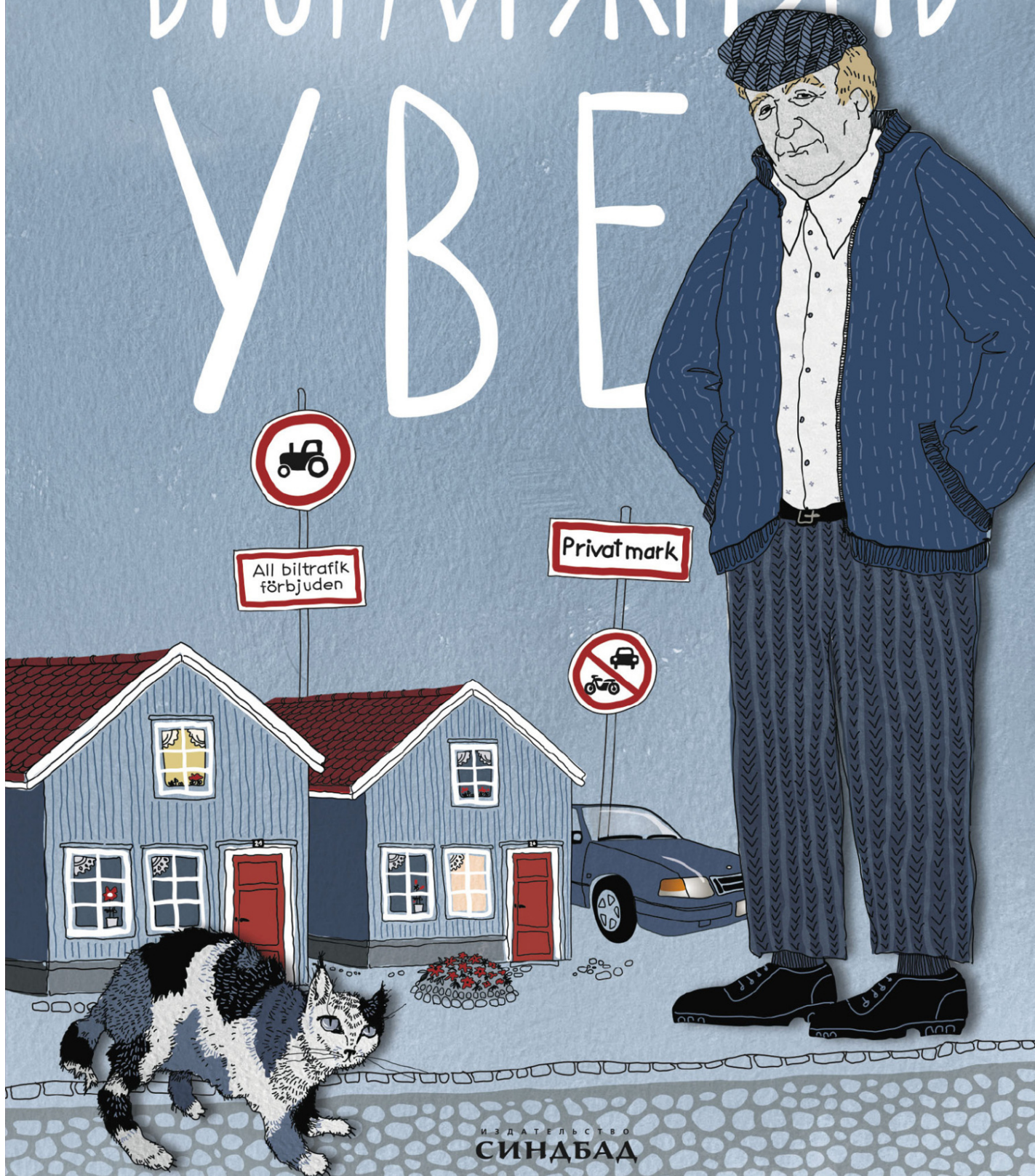

ФРЕДРИК БАКМАН

ВСЕМИРНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

УВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СИНДБАД

Фредрик Бакман
Вторая жизнь Уве

Издательство «Синдбад»

2012

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)-44

Бакман Ф.

Вторая жизнь Уве / Ф. Бакман — Издательство «Синдбад», 2012

ISBN 978-5-906837-24-0

На первый взгляд Уве – самый угрюмый человек на свете. Он, как и многие из нас, полагает, что его окружают преимущественно идиоты – соседи, которые неправильно паркуют свои машины; продавцы в магазине, говорящие на птичьем языке; бюрократы, портящие жизнь нормальным людям... Но у угрюмого ворчливого педанта – большое доброе сердце. И когда молодая семья новых соседей случайно повреждает его почтовый ящик, это становится началом невероятно трогательной истории об утраченной любви, неожиданной дружбе, бездомных котах и древнем искусстве сдавать назад на автомобиле с прицепом. Истории о том, как сильно жизнь одного человека может повлиять на жизни многих других.

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-906837-24-0

© Бакман Ф., 2012
© Издательство «Синдбад», 2012

Содержание

1. Уве покупает компьютер, который не компьютер	6
2. (Тремя неделями раньше). Уве производит инспекцию территории	9
3. Уве сдает назад на японце с прицепом	13
4. Уве отказывается платить три кроны комиссии	18
5. Бирюк по имени Уве	24
6. Уве и велосипед, который должен знать свое место	29
7. Уве вбивает крюк	33
8. Уве и отцовские заветы	41
9. Уве продувает батареи отопления	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Фредрик Бакман

Вторая жизнь Уве

Fredrik Backman
En Man Som Heter Ove

© Fredrik Backman, 2012

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство
«Синдбад», 2016

* * *

Посвящается Неде. Как всегда, чтобы насмешить тебя. Как всегда

1. Уве покупает компьютер, который не компьютер

Уве пятьдесят девять лет. Он ездит на родном шведском «саабе». Есть такая порода людей: случись вам не угодить им, они непременно ткнут в вас пальцем, словно вы тать, крадущийся в ночи, а их палец – полицейский фонарь. Уве из этих. В настоящий момент он стоит у прилавка в салоне и испытующе смотрит на продавца, помахивая небольшой белой коробочкой:

– Вот это, стало быть, и есть тот самый «отпад»?

Продавец, юнец с явным дефицитом массы тела, нервничает. Видимо, борется с желанием отобрать у Уве коробку.

– Совершенно верно. Айпад. Только что ж это вы, не надо бы его так трясти-то...

Уве смотрит на коробку как на предмет в высшей степени сомнительный. Как смотрел бы на обормота в трениках, который подкатил к нему на итальянской «веспе» и со словами «Эй, брателла!» попытался бы втухать ему поддельные часы.

– Так, так. Это, стало быть, компьютер или как?

Продавец кивает. Но тут же, засомневавшись, энергично мотает головой:

– Ага... Хотя вообще-то не совсем компьютер. Это айпад. Кто-то называет их таблетками, кто-то – планшетами. Как посмотреть...

Уве глядит на продавца так, будто тот вдруг заговорил на тарабарском языке:

– Да ну?

Продавец неуверенно кивает:

– Ну да...

Уве снова трясет коробкой:

– И как он, ничего?

Продавец чешет макушку:

– Ничего вроде. А что вас... Что вы имеете в виду?

Уве, вздохнув, начинает медленно, тщательно выговаривая каждое слово. Словно единственная помеха беседе состоит в глухоте продавца:

– Как. Он. Ничего? Этот. Компьютер. Хороший?

Продавец чешет подбородок:

– Ну, вообще-то... как сказать... Очень даже ничего... Все зависит от того, что вам надо.

Уве, смерив его взглядом:

– Компьютер мне надо. Что ж еще?

Короткая немая сцена. Потом продавец, кашлянув, решается:

– Это как бы не совсем обычный компьютер. Вам, наверное, нужно что-то типа...

Продавец делает паузу, очевидно, подбирая слово, которое вызвало бы у собеседника нужную ассоциацию. Еще раз кашляет. Наконец находит:

– ...типа ноутбука?

Уве, энергично замотав головой, угрожающе нависает над прилавком:

– Да на фиг мне сдался твой ноутбук? Компьютер мне нужен!

Продавец снисходительно кивает:

– Ноутбук тоже компьютер.

Уве, оскорбленно уставившись на продавца, наставительно тычет в прилавок пальцем-фонарем:

– Это я и без тебя знаю!

– О'кей, – кивает продавец.

Снова заминка. Как если бы два дуэлянта, сойдясь, внезапно обнаружили, что не захватили с собой пистолетов. Уве сверлит коробку долгим взглядом, словно добиваясь от нее признательных показаний.

– Ну а клавиатура тут где запрятана? – цедит он наконец.

Юноша принимается чесать ладони о край прилавка и нервно переминается, как это свойственно начинающим работникам розничной торговли, осознавшим, что обслуживание покупателя займет существенно больше времени, чем предполагалось изначально.

– Видите ли, клавиатуры нет.

Уве (подняв брови):

– Ну, ясное дело! Ее надо докупать, да? За хрен знает какие деньжищи, так?

Продавец снова почесывает ладони:

– Да нет... Ну... В общем, это компьютер без клавиатуры. Все операции производятся прямо с дисплея.

Уве с укоризной качает головой, словно продавец попытался лизнуть мороженое сквозь стекло витрины:

– Так на кой он без клавиатуры? Сам подумай!

Продавец тяжело вздыхает, будто считая про себя до десяти.

– О'кей. Я понял. Тогда вам не стоит брать этот компьютер. Возьмите какой-нибудь другой, макбук например.

Лицо Уве выдает внезапную неуверенность.

– А не бигмак, часом?

Продавец оживает, словно добился решающего успеха в переговорах:

– Нет. Макбук! Точно.

Уве недоверчиво морщит лоб:

– Это не та гребаная «читалка», про которую все нынче талдычат?

Продавец издает эпический вздох, что твой профессионал-декламатор:

– Нет. Макбук – это... эт-то... такой ноутбук. С клавиатурой.

– Да неужто? – язвит Уве.

Продавец кивает. Чешет ладони.

– Ну да.

Уве окидывает взором магазин. Снова встряхивает коробочку:

– И как он? Ничего?

Продавец упирается взглядом в прилавок, явственно борясь с желанием почесать нос. И вдруг расплывается в бодрой улыбке:

– А знаете что? Может, мой напарник уже обслужил покупателя, так он вам лучше все покажет и расскажет!

Уве смотрит на часы. Качает головой:

– Конечно, у нас ведь других дел нет. Торчи тут целый день, вас дожидайся.

Продавец поспешно кивает. Уходит и вскоре приводит напарника. Тот приветливо улыбается. Как всякий новичок, не успевший поднатореть за прилавком.

– Здравствуйте! Я могу вам помочь?

Уве повелительно тычет пальцем-фонарем в прилавок:

– Мне нужен компьютер.

Улыбка начинает сползать с лица напарника. Он переводит взгляд на первого продавца. Взгляд этот недвусмысленно говорит: ну, брат, и схлопочешь же ты у меня.

– Ах, вот что! Ну да, ну да. Давайте сперва посмотрим секцию портативных компьютеров, – без прежнего энтузиазма произносит напарник, оборачиваясь к Уве.

Уве хмурится:

– Черт возьми! Как будто я не знаю, что такое ноутбук! Обязательно говорить «портативных»?

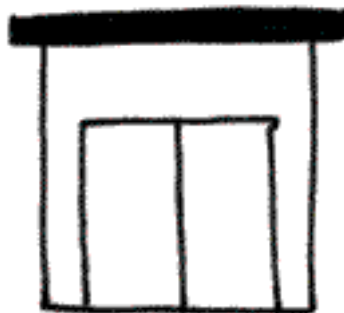
Напарник услужливо кивает. Первый продавец за его спиной бормочет: «Все, с меня хватит, я ушел на обед».

– Ну и работник нынче пошел. Только обед на уме, – хмыкает Уве.

– Чего? – Второй продавец оглядывается.

– О-б-е-д, – по буквам произносит Уве.

2. (Тремя неделями раньше). Уве производит инспекцию территории

Без пяти шесть состоялась первая встреча Уве с кошаком. Кошаку Уве сразу не понравился. Надо сказать, неприязнь оказалась в высшей степени обоюдной.

Проснулся Уве как обычно – за десять минут до обхода. Он вообще не понимал тех, кто, проспав, пеняет на будильник. Будильников он отродясь не держал. Просто просыпался без четверти шесть и вставал.

Уве заварил кофе, засыпав в кофеварку ровно столько, сколько они с супругой засыпали все сорок лет, прожитых в этом поселке. Из расчета одна ложка на чашку плюс еще одна на кофейник. Ни больше ни меньше. А то нынче разучились готовить нормальный кофе. Так же как разучились красиво писать. Теперь все больше компьютеры да эспрессо-машины. И куда оно годится, такое общество, в котором ни писать, ни кофе варить толком не умеют, сокрушался Уве.

И прежде чем налить себе чашечку доброго кофе, Уве надел синие штаны, синюю куртку, обул шлепанцы на деревянной подошве и, сунув руки в карманы, как подобает человеку немолдому и не ждущему более от этого бестолкового мира ничего, кроме разочарований, отправился инспектировать окрестности. Как делал каждое утро.

Когда он вышел за порог, в соседних домах было еще темно и тихо. Само собой. Кто тут станет напрягаться и вставать раньше положенного? Ведь теперешние соседи Уве – сплошь индивидуальные предприниматели и прочий никудышный народ.

Кошак сидел на дорожке между домами с самым невозмутимым видом. Хотя какой кошак? Так, одно название. Полхвоста и одно ухо. Шкура в проплешинах, словно скорняк накроил из нее кусков размером с кулак. Не кошак, а сплошное недоразумение, да и то не сплошное, а так, ключьями, подумал Уве.

Он направился было к кошаку, топая для острастки. Тот поднялся. Уве остановился. Так они и стояли, оценивая друг друга, точно два забияки вечером в деревенской пивнушке. Уве прикидывал, как бы поточнее запустить в подлеца шлепанцем. Кот же всем своим видом выказывал явственную досаду, что запустить в противника ему нечем.

– Кыш! – рявкнул Уве так, что кот аж вздрогнул.

Чуть попятился. Смерил взглядом пятидесятидевятилетнего недоумка в шлепках на деревянной подошве. Потом лениво развернулся и затрусил прочь. Уве даже померещилось, что перед этим кот успел презрительно закатить глаза.

Вот холера, ругнулся про себя Уве и посмотрел на свои часы. Без двух шесть. Надо потопливаться, а то из-за паршивой животины едва не опоздал с обходом. Даром что вышел вовремя.

И Уве решительно зашагал между домами по дорожке в сторону автостоянки, которую инспектировал каждое утро. Остановился у знака, запрещающего парковку посторонних автотранспортных средств на территории ТСЖ. Легонько пнул столб с приколоченным к нему знаком. Не то чтобы столб покосился, ничего подобного, просто лишний раз проверить на прочность не помешает. А Уве как раз из тех мужчин, для кого проверить вещь на прочность – значит хорошенько ее пнуть.

Затем он обследовал стоянку, обошел гаражи, убедился, что за ночь их не взломали воры и не подожгла шайка вандалов. Признаться, ничего подобного с местными гаражами спокон веку не случалось. Но, с другой-то стороны, ведь и Уве не пропустил ни одного утреннего обхода. Он дернул ручку двери, за которой стоял его собственный «сааб». Трижды, по своему утреннему обыкновению.

Потом заглянул на автостоянку для гостей, где разрешено парковаться не дольше двадцати четырех часов. Тщательно переписал номера в блокнотик, лежавший в кармане куртки. Сравнил их с номерами, записанными накануне. Если какая из машин попадала в блокнот несколько дней кряду, Уве обыкновенно шел домой и звонил в управление транспорта. Получив телефон автовладельца, связывался с названным лицом и доводил до сведения того, что считает его долбаным дятлом без мозгов, не способным прочесть вывеску на родном языке. Не то чтобы Уве сильно беспокоило, кто именно из гостей паркуется на стоянке. Но тут дело принципа. Дали тебе двадцать четыре часа на парковку – будь добр соблюдай. А ну как все начнут парковаться сколько хотят и где хотят – что тогда? Полный бардак, полагал Уве. Продыху от ихних машин не станет.

Сегодня, однако, посторонних машин на стоянке не наблюдалось, так что Уве с блокнотиком проследовал далее – к мусорке. Он инспектировал ее ежедневно. Не потому, что ему больше всех нужно (поначалу Уве сам громче всех возражал против дурацкой затеи этих новых понаехавших субчиков – сортировать мусор до опупения). Но раз уж решили сортировать, надо же кому-то за этим делом приглядывать. Не то чтобы кто-то поручал Уве следить, сортируют ли жильцы мусор. Но пусть Уве и такие, как он, все на самотек, в мире настанет анархия. Уве знал это. Продыху от ихнего мусора не будет.

Он легонько пнул один бак, другой. Выудив стеклянную банку из бака для стеклотары, помянул недобрым словом неких «балбесов» и снял с банки жестяную крышку. Вернул банку в бак со стеклотарой, а крышку швырнул в бак для металлолома.

Когда Уве председательствовал в жилтовариществе, он продавливал установку на мусорной площадке видеокамер: чтобы видеть, кто из жильцов кидает «неположенный мусор». К огромной досаде Уве, собрание проголосовало против: по мнению остальных соседей, камеры доставили бы им «некоторый дискомфорт»; к тому же было бы хлопотно возиться с видеоархивом. Даром Уве тратил свое красноречие, убеждая их, что «правда» только тому страшна, у кого «рыльце в пушку».

Два года спустя, уже после путча (так сам Уве называл историю его низвержения с председательского кресла), вопрос подняли снова. Появилась, дескать, некая ультрасовременная камера с сенсорными датчиками, которая реагирует на движение и выкладывает запись в Интернет, рапортовало правление в письме, разосланном всем жильцам. Такие камеры можно поставить не только на мусорке, но и на автостоянке – от взломщиков и хулиганов. Кроме того, видеозапись будет удаляться автоматически через двадцать четыре часа – «во избежание вторжения в частную жизнь жильцов». Для установки камер требовалось единогласное решение. Один участник собрания проголосовал против.

Дело в том, что Уве не доверял Интернету. Писал его со строчной буквы и вообще обзывал «энтернетом», невзирая на ворчание жены, которая учила, как правильно. Так что наблюдение по этому самому «энтернету» за тем, как Уве выбрасывает мусор, могло состояться только одним путем – через труп Уве, о чем он не мешкая поставил в известность правление. И

от камер отказались. Небось обойдемся, думал Уве. Его утренние обходы куда эффективней. Сразу видно, кто куда чего бросил, не забалуешь. Ежу понятно.

Проинспектировав мусорные баки, он привычно запер за собой дверь, трижды для верности дернув ручку. Обернувшись, заметил велосипед, приставленный к велосипедному сараю. Даром что над ним красуется здоровенная вывеска, внятно и четко предупреждающая: «Стоянка велосипедов запрещена!» Уве буркнул что-то про «идиотов», открыл сарай и водворил велосипед на место в ряд с остальными. Заперев дверь сарая, трижды дернул ручку.

Потом он сорвал со стенки чье-то гневное послание. Неплохо бы направить правлению предложение разместить знак, запрещающий расклейку объявлений на этой стенке. А то взяли моду вешать здесь всякие бумажки почем зря. Тут вам стенка, понимаешь, а не доска объявлений.

Дальше Уве миновал узкий проход между домами. Встал перед своим домом на дорожке, вымощенной плиткой. Наклонился к земле и шумно втянул носом воздух. Моча. Воняет мочой. Отметив это обстоятельство, он вернулся в дом, запер дверь и стал пить кофе.

Допив кофе, стал звонить – отказался от услуг телефонной компании и подписки на утреннюю газету. Починил смеситель в малой ванной. Поменял шурупы на ручке двери, ведущей из кухни на террасу. По-новому расставил ящики на чердаке. Пристроил по местам инструменты в сарае. Перенес в другой угол зимнюю резину от «сааба». И вот стоит столбом.

Нет, дальше так жить нельзя. Это единственное, что Уве ясно.

Ноябрьский вторник, четыре часа дня, Уве уже погасил все лампочки. Отключил батареи и кофеварку. Обработал пропиткой кухонную столешницу. Пусть эти ослы из «Икеи» дяде своему рассказывают, что их столешницы не нуждаются ни в какой пропитке. Нуждаются ли, нет ли – в ЭТОМ доме столешницу мажут пропиткой каждые полгода. Какая-то соплюха со склада, размалеванная и в желтой футболке, будет ему указывать!

Уве стоит в гостиной двухэтажного таунхауса с мансардой и смотрит из окна во двор. Мимо трусит сорокалетний тип – тот, с пижонской щетиной, из дома наискосок. Андерс, кажется. Без году неделя тут, всего лет пять как заселился. А уж пролез в правление жильцов. Гад ползучий. Думает, что теперь тут хозяин. После развода, видать, подался сюда, тройную цену отвалил. Вечно припрутся эти черти, а приличным людям потом налог на имущество поднимают. Точно им тут элитный квартал какой! На «ауди» ездит, будьте-нате! – Уве сам видел. Да и так можно было догадаться. Кретином да индивидуальным предпринимателям только на «ауди» и кататься. На лучшее-то ума не хватит.

Уве сует руки в карманы синих брюк. Легонько стучает ногой по плинтусу. Да, он готов признать: для них с супругой это жилье великовато. Ну, зато за него уплачено сполна. Весь долг, до последней кроны. Небось не дешевле вышло, чем этому пижону. А то нынче всяк в ипотеках как в шелках, известное дело. Уве-то все в срок платил. Вкалывал. В жизни не брал больничного. Вносил посильную лепту. Брал на себя ответственность. Теперь брать некому, боятся все. Нынче все подались в программисты, да в айтишники, да в местные начальники – ходят по порно клубам и сдают квартиры нелегальным путем. Офшоры да инвестпортфели. А работать ни-ни. Страна, где всем только бы обедать с утра до вечера.

«Не пора ли на заслуженный отдых?» – вчера с такими словами его выпроводили с работы. Мол, нехватка рабочих мест, вот и приходится расставаться с нашими ветеранами. Третий век служил на одном месте, и нате – дослужился. Ветеран, едрен корень. Оно конечно, теперь всем по тридцати одному годку, все носят брючки в облипку и нормального кофе не пьют. И никто ни за что не отвечает. Хлыщи с холеными бородами. Меняют работу, жен, машины. Как нечего делать. При первом удобном случае.

Уве сердито таращится в окно. Пижон совершает пробежку. Но не его ленивая трусца так бесит Уве, нет. Уве все эти променады вообще до лампочки. Только зачем бегать с таким

видом, будто дело делаешь? Самодовольно лыбиться, будто, как минимум, лечишь эмфизему? Не то быстро ходит, не то бежит медленно – вот и вся его трусца. И вообще, когда сорокалетний мужик выползает на пробежку, он как бы сообщает всему свету: больше он ни к чему не пригоден. При этом обязательно вырядится, словно двенадцатилетняя румынская гимнастка. Словно на олимпийский марафон, а не на сорокапятиминутную пробежку.

Вот блондинку себе завел, пижон. На десять лет младше. Бледная немочь, как прозвал ее Уве. Разгуливает по двору вперевалочку, будто пьяная панда, каблучищи что твой карданный ключ, рожа вся размалевана, чисто клоун, вдобавок темные очки такие здоровенные – не очки, а целый мотоциклетный шлем. А в ридикюльчике у нее мелкая зловредная шавка. А если не в ридикюльчике, то носится без поводка, гавкает без разбору и ссыт на плитку перед домом Уве. Думают, Уве не видит? Как бы не так!

Нет, так дальше жить нельзя! Баста!

«Не пора ли на заслуженный отдых?» – сказали ему вчера на работе. И вот стоит Уве посреди своей кухни и не знает, как ему убить вторник.

Смотрит в окно на одинаковые соседние дома. Вон в тот на днях семья многодетная заселилась. Иммигранты, насколько понял Уве. Что у них за автомобиль, пока неясно. Ладно, лишь бы не «ауди». Или, не дай бог, не японец какой.

Уве одобрительно кивает, будто только что сказал что-то очень верное и горячо согласился сам с собою. Поднимает глаза к потолку гостиной. Сегодня он собрался ввинтить туда крюк. Но не абы какой крюк. Абы какой крюк нынче худо-бедно вкрутит любой айтишник с психиатрической справкой и в вязаной кофте не то мужской, не то бабской. Нужен такой, чтоб намертво сел, как скала. Чтобы дом рухнул, а крюк остался на месте.

А через несколько дней явится расфуфыренный маклер, узел на галстук величиной с голову ребенка, и станет вешать лапшу про евроремонт да про полезную площадь и даже, может быть, распространится о самом Уве, но ни словом не обмолвится о крюке, гад. Это понятно.

На полу в гостиной стоит малый ящик для полезных мелочей. Так уж у них в доме заведено. Все купленное женой «изящно» либо «красиво». А Уве уж если покупает, то вещи полезные. Практичные. Которые разложены у него в двух ящиках – большом и малом – на все случаи жизни. Вот малый инструментальный ящик. В нем гвозди, саморезы, автомобильные ключи и прочий инструмент. Теперь в домах не держат полезных вещей. Один только хлам. Двадцать пар обуви и ни одного рожка. Горы микроволновок и плазм, а завалящего дюбеля не сыщешь, словно их всех распугали резак для пластика.

В ящике у Уве целое отделение для дюбелей. Он склонился, изучая их, точно шахматист фигуры. Уве не торопится с выбором. С дюбелями спешить – людей смешить. У каждого дюбеля свое применение, своя метода. Народ нынче совсем не думает о технологии, лишь бы смотрелось помоднее. Но Уве, если уж взялся за что-то, все делает как положено.

«На заслуженный отдых...» – сказали ему на работе. Зашли к нему в контору в понедельник и заявили, мол, решили не тянуть до пятницы, чтоб «не омрачить ему выходные». «На заслуженный отдых», ишь! Вам бы самим проснуться во вторник и понять, что вас списали в утиль. Вам бы только по энтернету шариться да эспрессо посасывать, а чувство долга вам неведомо.

Уве изучает потолок. Щурится. Надо поставить крюк ровно по центру, решает он.

Уве уже приступил к решению задачи по существу, как вдруг раздался беспардонный, протяжный скрежет. Как если бы какой-нибудь дюжий увалень на японском шарабане с прицепом, пытаясь сдать назад, заскреб по стене таунхауса.

3. Уве сдает назад на японце с прицепом

Уве отдергивает занавески в зеленый цветочек (жена давным-давно грозила их поменять). И видит коренастенькую чернявую смуглянку лет тридцати явно нешведского разлива. Та отчаянно машет водителю, своему погодку, дюжему белобрысому увальню, втиснутому за руль миниатюрной японской машинки, которая в этот самый момент скребет прицепом по стене таунхауса Уве.

Увалень жестами и знаками пытается деликатно намекнуть женщине: дескать, задача не так проста, как может показаться. Чернявая, отнюдь не столь деликатно, а скорее даже наоборот, семафорит ему что-то в ответ: по всей вероятности, сообщает, что видит за рулем остолопа.

– Твою мать! – ревет Уве, глядя, как прицеп одним колесом бороздит его клумбу.

Он бросает ящик с инструментами. Сжимает кулаки. Две секунды, и он уже вылетает на крыльцо. Дверь распаивается сама собой, словно опасаясь, что иначе Уве просто ее проломит.

– Вы чё творите? – напускается он на чернявую.

– Вот и я спрашиваю! – кричит она в ответ.

На какое-то мгновение Уве оторопевает. Пепелит ее взглядом. Женщина отвечает тем же.

– Написано же: проезд по территории запрещен. По-шведски читать не умеете?

Смуглянка выступает вперед, и тут только Уве замечает: она либо на большом сроке беременности, либо, по определению самого Уве, страдает точечным ожирением.

– Это я, что ли, за рулем?

Уве молча смотрит на нее несколько секунд. Потом поворачивается к белобрысому увальню: тот кое-как выкарабкался из тесной японской коробочки и теперь стоит, виновато разведя руки. В вязаной кофте, с осанкой, свидетельствующей о застарелом дефиците кальция в организме.

– А ты кто такой? – интересуется Уве.

– Это я вел машину, – беззаботно улыбается увалень.

Ростом под два метра. Уве всегда с интуитивным скепсисом относился к людям выше метра восьмидесяти пяти. Опыт подсказывал: при эдаком росте кровь просто не добирается до мозга.

– Ага, как же! Кто еще кого вел! Может, она тебя? – Пузатая смуглянка, пониже увальня примерно на полметра, яростно насккивает на него, пытаясь шлепнуть по руке обеими ладонями.

– А она-то кто? – интересуется Уве.

– Жenuшка моя, – дружелюбно кивает в ее сторону увалень.

– Ненадолго, не надейся, – энергично, аж пузо подпрыгивает, огрызается «женушка».

– Думаешь, это так прос... – начинает оправдываться муж, но она перебивает:

– Я сказала: ПРАВЕЕ! А ты едешь НАЛЕВО! Почему ты меня не слушаешь? НИКОГДА не слушаешь!

Тут она выдает тираду на полминуты, представляющую собой, как догадывается Уве, подборку изощренных арабских ругательств, которыми столь богат этот язык.

Белобрысый увалень только блаженно кивает – его улыбка неописуемо гармонирует с женой бранью. С такой улыбкой ходят буддийские монахи, отчего любому нормальному человеку хочется двинуть им по морде, подумал Уве.

– Извиняемся, в общем. Сплоховали малость, сейчас все поправим, – бодро сообщает увалень, дождавшись, пока его половина наконец замолкнет.

И с самым беспечным видом выуживает из кармана круглую жестянку и отправляет себе под губу табачный ком величиной с гандбольный мяч. И, видимо, уже собирается дружески хлопнуть Уве по спине.

Уве одаривает увальня таким взглядом, словно тот только что навалил кучу на капот его машины.

– Поправим? Да ты же у меня на клумбе встал!

Увалень смотрит на колеса прицепа.

– Хех, это вот это, что ли, клумба? – добродушно скалится он, кончиком языка поправляя табачный ком.

– И-МЕН-НО! – отрезает Уве.

Увалень кивает. Сперва глядит на землю. Потом – на Уве, решив, что тот шутит.

– Да, брось, мужик, это же просто земля.

От гнева лоб у Уве собирается в одну огромную и грозную складку.

– Сказано. Тебе. Это. Клумба.

Увалень озадаченно чешет голову: на взъерошенном чубе его остаются табачные крошки.

– Так тут вроде не растет ничего...

– А тебе не один хрен? Моя клумба: хочу – сажаю, хочу – нет!

Увалень поспешно кивает, явно не желая еще больше разозлить незнакомца. Поворачивается к жене, словно ища у нее поддержки. Та, впрочем, совсем не спешит ему на подмогу. Увалень снова обращается к Уве:

– Беременная, понимаешь. Гормоны и все такое... – пытается пошутить он.

Беременная почему-то не смеется. Уве тоже. Она складывает руки на груди. Уве упирается руками в бока. Увалень, не зная, куда девать свои кулачищи, опустил руки вдоль тела и смущенно чуть покачивает ими: кажется, будто они тряпичные и сами собой мотаются на ветру.

– Щас сяду и еще раз попробую, – снова примирительно улыбается парень.

Но во взгляде Уве нет и намека на мир.

– Проезд по территории запрещен. Знаки читать надо.

Увалень пятится и энергично кивает. Затем рысцой подбегает к японской машинке и втискивает свое крупногабаритное тело в малогабаритный салон. «Боже!» – в один голос бормочут Уве и женщина. После чего та уже раздражает Уве как будто чуть поменьше.

Увалень проезжает несколько метров вперед. Уве четко видит: этот недотепа так и не выкрутил толком руль. Машина сдает назад. Боком прицепа задевает почтовый ящик Уве, сминая его пополам.

– Ну это уже... – шипит Уве, кидается к машине и рывком открывает дверь.

Увалень виновато всплескивает руками:

– Маху дал! Извини! Сорри! Ящика-то в зеркало не видно! С этими прицепами вечно фишня – никогда не знаешь, куда вывернут.

Бум! Кулак Уве грохает о крышу машины – увалень аж подпрыгивает, ударяясь головой о раму.

Уве наклоняется так низко, что крик, не успев вылететь у него изо рта, уже оказывается непосредственно в слуховом проходе увальня:

– Вылазь из машины!

– А?

– Вылазь, тебе говорят!

Увалень с опаской смотрит на Уве, не решаясь поинтересоваться причиной этой просьбы. Просто выбирается из машины и становится рядом, точно провинившийся школьник. Уве указывает ему на проход между домами, туда, где виднеются велосипедный сарай и парковка:

– Отойди, не путайся под колесами!

Увалень кивает в легком замешательстве.

– Елы-палы, любой безрукий с глаукомой на обоих глазах управится с прицепом скорей тебя, – досадует Уве, залезая в машину.

Не управится с прицепом, это ж надо, недоумевает Уве. Где ж такое видано? Неужто трудно усвоить, что в зеркале право – это лево? Как они вообще на свете живут, такие балбесы?

Автоматическая коробка, ну, само собой, констатирует он. Можно было догадаться. Этим пижонам хоть какую машину, лишь бы самим не водить, сердится Уве, подавая вперед. Лишь бы сама их катала. Будто робот. Дожили: даже выучиться парковаться не сподобились. Разве можно таким права давать? А? Уве не согласен. Категорически. Таким не то что права, таких на выборы пускать не след, которые с собственным прицепом управится не могут.

Машина едет вперед, Уве потихоньку выкручивает руль (как делают все более-менее цивилизованные граждане перед тем, как сдать назад на машине с прицепом) и дает задний ход. Японец возмущенно пищит. Уве недовольно осматривается.

– Какого хрена выеживаешься? – напускается он на приборную доску, барабани по рулю. – Прекрати, говорят тебе! – грозно кричит он красной лампочке, мигающей особенно настойчиво.

Тут сбоку появляется увалень и вкрадчиво стучит по стеклу. Уве опускает стекло и с кислой миной смотрит на увальня.

– Это сигнал заднего хода орет, – поясняет тот.

– Не учи ученого! – ворчит Уве.

– У этой машины не совсем обычное устройство, я мог бы показать, где тут что крутить, – кашлянув, говорит увалень.

– Небось не дурак, сам разберусь, – хмыкает Уве.

– Да, да, конечно, – с готовностью поддакивает увалень.

Уве сердито косится на приборы:

– А теперь чего она кобенится?

Увалень охотно объясняет:

– Теперь она определяет, не сел ли аккумулятор. Если сел, с электропитания она перейдет на бензин. Это гибрид, типа...

Уве не устаивает его ответом. Поднимает стекло. Увалень остается стоять с разинутым ртом. Уве смотрит в левое зеркало. Потом – в правое. Потом дает задний ход, иномарка истошно пищит, прицеп со снайперской точностью проходит между домом Уве и домом увальня с его беременной супружницей.

Выйдя из машины, Уве небрежно бросает ключи увальню.

– Сигнал заднего хода, автопарковщик, видеорегиистратор... Если тебе столько всякой хрени нужно, чтоб парковаться с прицепом, на кой ты вообще брал себе прицеп?

Но увалень только довольно кивает.

– Вот спасибочки – выручили! – радуется он так, словно это не Уве распекал его последние десять минут.

– Да я бы тебе даже магнитофон перематывать назад не доверил, – отвечает Уве, гордо удаляясь.

Беременная приезжая стоит все так же, скрестив руки на груди. Глядит, правда, уж не так сердито.

– Спасибо! – звонко благодарит она и криво улыбается – сдерживая хохот, догадывается Уве.

Карие глазища – огромные, Уве прежде таких и не видал.

– У нас во дворе проезд запрещен. Хотите не хотите, а выполняйте.

Она смотрит на него с таким видом, словно заметила, что он сказал «хотите» вместо «хотите». Хмыкнув, Уве обходит ее и направляется домой.

На полпути он останавливается на мощеной дорожке, ведущей от дома к его сараю. Морщится так, как умеют морщиться только мужчины его поколения – не только нос, но и все туловище словно собирается гармошкой. Опустившись на колени, он припадает лицом к плитке, которую аккуратно и неукоснительно перекладывает заново каждые два года, даже если оно и не требуется. Принюхивается. Утвердительно кивает. Встает.

Беременная смуглянка и увалень наблюдают.

– Обоссали. Все как есть обоссали! – в сердцах бормочет Уве.

Потрясает рукой, указывая на плитку.

– Ну и ладно... – отвечает смуглянка.

– Да ни хрена не ладно! – ругается Уве.

И с этими словами входит в дом и затворяет дверь.

Уве усаживается на табурет в прихожей, долго сидит, не в силах думать о чем-то другом. «Чертова бабенция», – вертится в голове. Ну что она тут забыла со своей семейкой, когда даже знак нормально прочитать не может? Нельзя по двору на машинах разъезжать. Это же ему понятно.

Наконец Уве встает, вешает синюю куртку на свой крючок, одиноким утесом торчащий в океане жениных пальто. Бормочет что-то про «недоумков», для верности оборачиваясь к закрытому окошку. Потом становится посреди гостиной и принимается рассматривать потолок. Долго ли, коротко ли Уве так простоял – он не знает. Он растворяется в мыслях. Блуждает в них, как в тумане. Вообще-то он не из этой породы: никогда не был мечтателем, просто в последнее время в голове точно помутилось. Ему все труднее сосредоточиться. Ничего хорошего.

Звонок в дверь выдергивает Уве из теплой дремы. Он отчаянно трет глаза и озирается, словно опасаясь, не подсматривает ли кто за ним.

В дверь снова звонят. Уве поворачивается и смотрит на нее с упреком. Делает несколько шагов в сторону прихожей, но тут чувствует, что тело его закаменело, как застывший гипс. Стук – то ли от половиц, то ли из сердца – откуда доносится он, Уве не знает.

– Ну, какого еще рожна? – вопрошает он дверь, еще не открыв ее, как будто она должна ответить ему. – Какого рожна? – повторяет он, распахивая дверь с такой силой, что образовавшийся сквозняк сдувает с крыльца трехлетнюю девчушку. Отлетев, та в изумлении плюхается на попу.

Рядом с ней девчушка постарше, лет семи, на лице ее написан ужас. Обе – черненькие. Обе – с огромными карими глазищами, каких Уве отродясь не видывал.

– Ну? – требует Уве.

Старшая выжидающе смотрит. Потом подает ему пластиковую коробку. Уве нехотя берет ее. Коробка теплая.

– Рис! – радостно кричит меньшая, вскакивая на ноги.

– С шафраном. И цуспенкой, – добавляет старшая, далеко не так доверчиво.

Уве скептически разглядывает их:

– Торгуете, что ли?

– Вообще-то мы тут ЖИВЕМ! – обижается старшая.

Уве задумывается на миг. Потом кивает. Словно допуская возможность принять это обстоятельство в качестве резонного аргумента.

– Вот как?

Младшая девчушка довольно кивает и всплескивает рукавами комбинезончика, несколько длинноватыми:

– Мама сказая, ты гоёдный.

Уве в полном недоумении глядит на этот ходячий дефект дикции.

– Чего?

– Мама сказала, что ты, наверное, голодный. Мы принесли тебе ужин, – с досадой поясняет старшая. – Пойдем, Назанин. – Она хватает младшую за руку и, глянув на Уве глазами полными укора, удаляется.

Высунувшись из дверей, Уве смотрит им вслед. Видит в дверях соседнего дома давешнюю беременную соседку. Впуская девчушек, та улыбается ему. Младшенькая, оглянувшись, весело машет Уве. Соседка машет тоже. Уве закрывает дверь.

И стоит посреди прихожей. Таращится на теплую коробку с рисом, шафраном и цыпленком так, словно там внутри взрывчатка. Затем идет на кухню и убирает коробку в холодильник. Не то чтобы он вдруг завел моду есть все, что ни нанесет ему на крыльцо понаехавшая мелюзга. Просто в доме Уве еду не выкидывают. Принципиально.

Он идет в гостиную. Сунув руки в карманы, глядит на потолок. Стоит, прикидывая, который из дюбелей лучше подойдет для намеченной цели. Щурится, вглядываясь до боли в веках. Опустив наконец взгляд, чуть растерянно косится на выдавшие виды пузатые часы у себя на руке. Потом смотрит в окно и вдруг понимает, что уже стемнело. Обреченно качает головой. Сверлить в темное время суток не годится, это каждому ясно. Придется зажигать все лампы в доме, а когда и кто их в таком случае выключит? Нет уж, такого подарка коммунальщикам Уве делать не станет. Чтобы ему тут счетчик потом наматывал тыщу за тыщей? Нет уж, дудки.

Уве складывает свой малый ящик с полезными мелочами. Уносит в просторный холл на втором этаже. Идет за ключом от чердака, лежащим на своем месте, за батареей в прихожей. Снова поднимается наверх и открывает люк на чердак. Раскладывает лестницу. Взбирается на чердак и ставит ящик с полезными мелочами на место, позади кухонных стульев, которые жена заставила его затащить наверх, потому что они слишком скрипучие. Ни капельки они не скрипучие. Уве знал, что это только отговорка, просто жена решила купить новые. Можно подумать, жизнь только в этом и состоит. Чтобы без конца покупать на кухню новые стулья и ужинать в ресторанах.

Он опять спускается на первый этаж. Убирает чердачный ключ на место за батарею. «На заслуженный отдых», так ему, значит, сказали. Эти тридцатиоднолетние пижоны, что сидят за своими компьютерами и не пьют нормального кофе. Это нынешнее общество, где никто не в состоянии управиться с собственным прицепом. А Уве им, стало быть, больше не нужен. Где тут логика, спрашивается?

Уве возвращается в гостиную. Включает телевизор. Не то чтобы передача какая шла интересная – ну да не сидеть же вечер напролет в одиночестве и таращиться на стенку, как псих. И вот уже Уве достал из холодильника иноземного курчонка и ест вилкой прямо из коробки.

Уве пятьдесят девять лет. Вечер вторника. Нынче он отказался от подписки на газету. Выключил все лампочки.

А завтра вкрутит крюк.

4. Уве отказывается платить три кроны комиссии

Уве подносит ей цветы. Два цветка. Естественно, без умысла. Так вышло. Просто это дело принципа, оправдывается перед ней Уве. Потому и два.

– Без тебя у нас дома совсем никакого порядка, – бормочет он, ковыряя ногою мерзлый ком земли.

Жена молчит.

– Ночью снег выпадет, – сообщает Уве.

В прогнозе погоды сказали, что не выпадет, – верная примета, что будет все в точности наоборот, считает Уве. Потому и предупреждает ее. Жена не отвечает. Уве сует руки в карманы синих брюк, нервно кивает.

– Куда девать себя, не знаю – пока тебя нет, слоняюсь по дому день-деньской, как неприкаянный. Что тут еще сказать. Так жить нельзя.

Она и тут не отвечает.

Он снова кивает, ковыряя землю носком. А ведь есть люди, которые спят и видят, как бы выйти на пенсию. Всю жизнь мечтать о том, чтобы стать лишним? Лишней обузой для остального общества – велика радость, нечего сказать! Забыться в свою конуру и ждать смертного часа. Или того хуже: дожить до той поры, когда тебя, немощного старика, упекут в богадельню. Страшнее этого, по мнению Уве, ничего и быть не может. Просить, чтобы тебя в сортир сводили. Жена на этих его словах обычно смешливо замечает, что Уве, должно быть, единственный человек, который на своих похоронах лучше сам уляжется в могилу, чем закажет катафалк на кладбище. В чем-то она права.

Да еще кошка этот окаянный снова утром приходил. Сел чуть не у них под дверью, холера. Да и не кот, а так – огрызок.

Уве встал без четверти шесть. Сварил кофе – жене и себе. Обошел дом, проверил батареи – не подкрутила ли их украдкой жена. Естественно, батареи никто не подкручивал, но Уве все равно убавил тепла. На всякий случай. Затем снял с крючка (единственного из шести, на котором не висела женина одежда) синюю куртку. Проинспектировал двор. Переписал номера машин, подергал за ручки двери гаражей. Почувствовал, что мерзнет. Пора сменить синюю куртку на синий пуховик.

Уве знает: как только жена начинает жаловаться, что в спальне стало зябко, значит, скоро выпадет снег. Причем такая ерунда, констатирует Уве, случается что ни год. Впрочем, зря коммунальщики надеются пожить. Некоторая смена времен года – еще не повод. Повышение температуры в батарее на пять градусов – это несколько тысяч в год, подсчитал Уве. Поэтому каждую зиму он приносит с чердака небольшой дизельный генератор, который выменял на блошином рынке на старый граммофон. Подключает генератор к автомобильному электрообогревателю, купленному на распродаже за тридцать девять крон. Дизель раскошегаривает обо-

греватель, после чего Уве запитывает обогреватель от маленького аккумулятора. На нем обогреватель работает еще полчаса, и так в несколько заходов, пока не нагреет половину кровати, на которой будет спать супруга. Впрочем, Уве не забывает попенять жене, дескать, негоже тратить еще и на это. Солярка тоже денег стоит. Жена же реагирует как обычно. Кивает и признает его правоту. А потом всю зиму тайком от Уве подкручивает батареи. Что ни год.

Уве снова пинает мерзлую землю ногой. Хочет еще рассказать про кошака. Как тот торчал перед домом, когда Уве вернулся с утреннего обхода. Уве уставился на него. Кот – на Уве. Уве замахнулся, рывкнул, эхо пинг-понговым мячиком зашлепало между стенами домов. Кошак поглазел на Уве еще немного. Потом неторопливо поднялся. Типа я удаляюсь, но не потому, что кто-то там рывкнул, а потому, что у меня есть дела поинтересней. И юркнул за угол сарая.

Нет, решает Уве, лучше ничего не рассказывать жене. Еще разозлится, что прогнал животину. Ей только дай волю: весь дом бы набила этими спингрызами, с хвостами и без.

На Уве синий костюм. Белая сорочка застегнута на все пуговицы. Жена вечно учит: не застегивай последнюю, если носишь без галстука. На ее поучения Уве каждый раз возражает: я тебе не греческий лавочник, шезлонгами не торгую. И упрямо застегивается наглухо. На руке у него старые пузатые часы: отцу они достались в наследство от деда, в девятнадцать лет, а к Уве перешли от отца, когда тот умер, едва Уве исполнилось шестнадцать.

Жене нравится его костюм. Говорит, Уве в нем очень элегантный. Уве, разумеется, как всякий здравомыслящий человек, придерживается мнения, что в будние дни только пижоны щеголяют в нарядных костюмах. Но для сегодняшнего утра, так и быть, сделал исключение. И даже обулся в парадные черные ботинки, не пожалев на них гуталина.

Снимая синюю демисезонную куртку с крючка в прихожей, Уве задержался взглядом на многочисленных жениных пальто. Подумать только, зачем одному не слишком рослому человеку столько зимней одежды? «Залезешь под них – а там дверь в Нарнию», – пошутила как-то одна из ее подруг. Уве шутки не понял. Но одежек и впрямь многовато.

Когда он вышел из дому, все соседи еще спали. Он прошел к стоянке. Открыл гараж ключом. Конечно, у него есть и пульт, однако Уве не жаловал автоматику: ни один уважающий себя человек не станет пользоваться пультом, если можно открыть вручную. Он открыл свой «сааб», опять же – ключом. Как прекрасно делал всю свою жизнь. Какой смысл что-то менять? Сел на водительское сиденье, покрутил колесо настройки радиоприемника до половины оборота, вернул в исходное положение. Поправил зеркала заднего вида. Каждый раз, усаживаясь за руль, он неукоснительно повторял эту процедуру. Слово перед этим какой-то хулиган регулярно вскрывает его «сааб» и балуется тут с зеркалами и приемником.

Проезжая стоянку, Уве повстречал беременную соседку. Та вела за руку младшенькую. Рослый белобрысый увалень шел с ними. Заметив Уве, все трое приветливо помахали ему. Уве не ответил. Хотел сперва остановиться и открыть глаза неразумной бабе на то, что не дело разгуливать с детьми по автостоянке: небось не детская площадка. Но передумал: недосуг.

Выбравшись с придомовой территории на широкую дорогу, он покатил по ней мимо других таунхаусов, ничем не отличающихся от его собственного. Когда Уве с женой переехали сюда, в поселке было всего шесть таунхаусов. Теперь – несколько сотен. Раньше кругом стоял лес, теперь – дома, дома. Сплошь купленные по ипотеке, естественно. По-другому нынче не умеют. Берут кредиты, ездят на электромогилах, вызывают электриков поменять перегоревшую лампочку. Настелют, как его, ламинат на защелках, наставят электрокамины, и будьте нате. Того и гляди, вообще разучимся хоть в чем-нибудь разбираться, скоро бетон от батона перестанем отличать.

Четырнадцать минут ушло на покупку цветов в торговом центре. Уве строго соблюдал все ограничения скорости, даже там, где стоит знак «50», хотя новопришлые дегенераты в галстуках выжимают все девяносто. Известное дело: у себя перед домом небось понатыкали знаков «Дети», поназакатывали «лежачих полицейских», сам черт не проедет. А тут же не у

себя, тут можно ездить как попало, твердит Уве в дороге все последние десять лет, стоит им с женой куда-нибудь выбраться. И ведь год от года гоняют все хлеще, не забывает добавить он. На всякий случай: вдруг жена в прошлый раз прослушала.

Уве не проехал и двух километров, как меньше чем в полуметре за его «саабом» пристроился черный «мерседес». Напрасно Уве трижды моргнул ему тормозными огнями. В ответ «мерин» раздраженно помигал дальним светом. Уве ухмыльнулся в зеркало. Как же, как же – их милость решила, что ограничение скорости не про них, а ты, стало быть, поди прочь, прижмись, уступи, ха! Уве не уступил. «Мерин» снова помигал фарами. Уве сбавил скорость. «Мерин» погудел. Уве снизил до двадцати. Машины уже почти взобрались на горку, когда «мерседес», остервенело сигналя, наконец обошел «сааб». За рулем сорокалетний прыщ: галстук, из ушей торчат белые пластмассовые проводки. Не опуская стекла, прыщ выставил Уве средний палец. На что Уве ответил жестом воспитанного мужчины на шестом десятке: покрутил пальцем у виска. Прыщ из «мерина» как заорет – аж слюнями лобовое стекло забрызгал. Дал по газам и ушел в точку.

Две минуты спустя Уве остановился на красный свет. Последним в веренице машин стоял давешний «мерседес». Уве помигал ему фарами. Водитель «мерина» обернулся так, что чуть шеей не вывихнул: белая гарнитура выпала из ушей на торпеду. Уве довольно кивнул.

Загорелся зеленый. Пробка не продвинулась. Уве посигналил. Не помогло. Уве покачал головой. Ну, точно, там какая-нибудь блондинка. Не то дорогу ремонтируют. Не то «ауди» заглох. Так простояли еще секунд тридцать. Уве поставил машину на ручник, открыл дверцу и вышел из «сааба», не выключив мотор. Встал посреди дороги, руки в боки, и стал высматривать начало пробки. Примерно в такой же позе, уперев руки в боки, стоял бы на дороге Супермен, угоди он в автомобильный затор.

Прыщ на «мерседесе» забибикал. Баран, подумал Уве. В тот же миг вся вереница сдвинулась с места. Вот тронулись машины, стоявшие перед «саабом». «Фольксваген» позади засигналил. Водитель нетерпеливо замахал Уве рукой. Уве только зыркнул в ответ. Неспешно сел в машину, закрыл дверь. «И куда это все так теперь торопятся?» – громко произнес он в зеркало и поехал.

На следующем светофоре он снова очутился позади «мерседеса». Снова ждать? Глянув на часы, Уве развернулся и ушел влево. Эта дорожка подлиннее будет, зато на ней меньше светофоров. Не то чтобы Уве душила жаба. Просто ему, как и всякому, известно, что в пути машина расходует меньше бензина, чем на холостом ходу. Как любит приговаривать жена, если что и напишут на надгробии Уве, так это что он по крайней мере сэкономил бензин.

Уве подъехал к торговому центру с западной стороны. Мгновенно сориентировался: на стоянке оставалось всего два свободных места. Разгар рабочего дня. Что тут забыли остальные, разумеется, было выше его понимания. Хотя, конечно, кто в нынешние времена работает!

Когда они заезжают на стоянку, жена вечно вздыхает. Потому что Уве непременно должен встать поближе к входу. «У вас прямо соревнование, кто займет лучшее место», – каждый раз удивляется она, покуда Уве ездит кругами и без разбору костерит пижонов на иномарках, вставших у него на пути. Бывает, кругов пять-шесть нарежут, прежде чем отыщут хорошее местечко, а если не повезет и придется встать метров на двадцать дальше, настроение у Уве испорчено, почитай, на целый день. Жена только руками разводит. Не понимает она этих принципов.

Сегодня Уве сперва тоже решил было покружить, осмотреться. Как вдруг завидел знакомый «мерседес». С южной стороны. Ага, так это он сюда так шпарил, этот галстук с бананами в ушах. Уве среагировал молниеносно. Надавил на газ, выкатился на перекресток, тесня «мерина». Тот резко тормознул, поплелся сзади, бешено сигналя. Поединок продолжился.

Стрелки при въезде на парковку велят заезжать справа, однако «мерин» (очевидно, тоже углядев два свободных места) попытался обойти Уве и прорваться напрямик, налево. Но Уве

резко крутанул руль, преграждая путь. И пошла охота – соперники принялись бодаться за каждую пядь асфальта.

В зеркале Уве заметил, как сзади на их дорожку вывернула миниатюрная «тойота» – соблюдая все знаки, она ушла направо и по-черепаши поплелась по кругу. Проводив ее взглядом, Уве рванул в противоположную сторону с «мерином» на хвосте. Конечно, он мог занять одно из двух свободных мест, ближайшее к выходу, великодушно уступив «мерседесу» другое. Но кому нужна такая победа?

Нет, подъехав к первому месту, Уве встал как вкопанный. «Мерседес» бибикнул. Уве ни с места. «Мерс» бибикнул еще. Махонькая «тойота» между тем тихонько подбиралась к ним справа. Тут только водитель «мерса» заметил ее и проник в злокозненный замысел Уве – но было поздно. Яростно сигналив, «мерседес» попытался протиснуться мимо «сааба» – но Уве уже показывал водителю «тойоты» на свободное место, милостиво приглашая припарковаться. И как только она встала, Уве торжественно занял другое.

Боковое стекло у «мерса» было сплошь забрызгано слюной – даже не разглядеть водителя. Торжествующий Уве вышел из «сааба» поступью римского гладиатора. Но тут присмотрелся к «тойоте».

– Ну, ёпрст! – невольно вырвалось у него.

Дверь «тойоты» отворилась.

– Эгей, здаро-ова!! – гаркнул белобрысый увалень, с трудом протискиваясь наружу.

Уве сокрушенно покачал головой.

– Здравсте! – поздоровалась с Уве беременная приезжая, вылезая с другой стороны и вынимая из «тойоты» младшенькую.

Уве с тоской посмотрел вслед «мерседесу».

– Круто ты его обломил, – хмыкнул увалень. – Спасибо за место, дружище!

Уве безмолвствовал.

– Как тея зоют? – спросила младшенькая.

– Уве, – ответил Уве.

– А меня зоют Назанин, – прощепетала она.

Уве кивнул.

– А меня Пат... – начал увалень.

Но Уве развернулся и зашагал прочь.

– Спасибо за место! – прокричала ему вдогонку беременная приезжая.

Уве расслышал в ее голосе смех. Это ему не понравилось. Не оборачиваясь, он только буркнул «да-да» и скрылся за крутящейся дверью торгового центра. В первом проходе он сразу повернул налево: вдруг соседская семейка увяжется за ним. Но соседи пошли направо и исчезли за углом.

Уве потоптался перед продуктовым магазином. Критически изучил рекламную вывеску – с предложениями недели. Не то чтобы Уве собрался затариться ветчиной по акции. Просто нужно же следить за ценами. Чего Уве по-настоящему не любит, так это когда его пытаются надуть. Жена острит, мол, нет для Уве слов страшнее, чем «батарейки в комплект не входят». Когда она так шутит, все смеются. Все, кроме Уве.

От продуктов он перешел к цветам. Там, естественно, устроил «скандал», как выражается жена. Хотя сам Уве настаивал бы на термине «дискуссия» как более адекватном. Он выложил на прилавок купон «2 цветка за 50 крон». А так как цветок был нужен только один, то Уве привел цветочнице все мыслимые резоны насчет того, что ему обязаны продать этот самый цветок за двадцать пять крон. Ведь двадцать пять – это половина от пятидесяти. Но цветочница (девятнадцатилетняя кукла с головой набитой бабл-гамом), едва не подавившись мобильником, не вняла его арифметическим выкладкам. Она заявила, дескать, один цветок стоит 39

крон, а «два за пятьдесят» продаются только вместе. Пришлось вызывать хозяина лавки. Четверть часа ушло на то, чтобы тот внял голосу разума и признал правоту Уве.

Или, уж если начистоту, буркнул что-то вроде «старая жмотина» себе в ладонь и пробил двадцать пять крон на кассовом аппарате с такой силой, что клавиши затрещали – уж не поломались ли? Впрочем, какая разница? А то Уве не знает этих торгашей: вечно норовят облапошить на ровном месте. Только Уве на мякине не проведешь. Где сядешь, там и слезешь!

Уве выложил на прилавок кредитную карточку. Продавщица брезгливо кивнула и указала на объявление «При оплате картой на сумму менее 50 крон взимается комиссия 3 кроны». Что ты будешь делать!

В результате Уве предстал перед женой с двумя цветками. Принципами поступаться нельзя.

– Ишь, три кроны им отдай! Фигу! – бормочет Уве, упершись взглядом в гравий дорожки.

Жена частенько упрекает его: ну чего скандалить из-за всякой ерунды? Но Уве не скандалит. Просто жить надо по справедливости. Разве это не разумное отношение к жизни, спрашивает Уве жену. Лично он придерживается именно такой позиции.

Подняв глаза, он смотрит на нее:

– Ты, это, не серчай, что я вчера не пришел, как обещал, – бормочет он.

Она молчит.

– Там у нас такой дурдом был, – оправдывается Уве. – Полный бардак. Сами не могут с прицепом управиться, а ты помогай. Крюк спокойно не дадут вбить, – защищает он, как будто жена упрекает его в чем-то.

Кашлянув, продолжает:

– А впотьмах где его, крюк, вбивать? Свет-то я не включаю. Чего ему зазря гореть? Вот и не смог.

Жена молчит. Уве ковыряет ботинком мерзлую землю. Будто слово подыскивает нужное. Еще раз кашлянув, говорит:

– Без тебя никакого порядка в доме не стало.

Жена молчит. Уве дотрагивается до цветов.

– Без тебя день-деньской по дому слоняюсь как неприкаянный. Вот и весь сказ. Нет, так жить нельзя.

И на это ей нечего сказать. Он кивает. Поправляет цветы, чтобы ей было повиднее.

– Розовые. Твои любимые. Гардинные. В магазине сказали, гардении, балбесы, будто я не знаю, как ты их называла. Еще сказали, на таком морозе они не выстоят – да им лишь бы сбагрить покупателю еще какую-нибудь фигну.

Он словно ждет ее одобрения.

– А эти рис с шафраном готовят, представляешь? – тихо произносит вдруг. – Соседи наши новые. Приезжие. Шафран в рис кладут, понимаешь. Какой в том шафране прок? Нет бы картохи наварить, да с мясом, да с подливкой.

Новая пауза.

Он тихо стоит, вертя обручальное кольцо на пальце. Будто подыскивает, что бы еще рассказать. С великим трудом вымучивает слова – никак не привыкнет задавать тон в беседе. Раньше она брала на себя эту роль. А он лишь отвечал – односложно. Теперь же вон как все повернулось – для них обоих. Напоследок Уве присаживается на корточки, выкапывает старый цветок, посаженный на прошлой неделе, кладет его в пакет. Прежде чем посадить новые цветы, хорошенько рыхлит землю. Промерзшую насквозь.

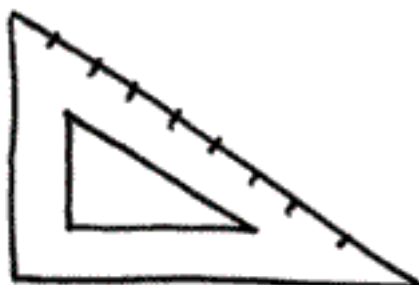
– Тариф на электричество опять подняли, – информирует он жену, поднимаясь.

Снова застывает, руки в карманах, смотрит на нее. Наконец бережно проводит рукой по каменной глыбе, ласково гладит с одного, с другого бока. словно по щекам.

– Невмоготу мне без тебя, – шепчет он.

Шесть месяцев, как она умерла. А Уве по-прежнему дважды в день обходит дом, проверяя: не подкрутила ли тайком батарею.

5. Бирюк по имени Уве

Уве знал, как отговаривали ее подруги: зачем за него идешь? И в общем, не сильно обижался на них из-за этого.

Его прозвали бирюком. Может, и верно, кто знает? Да он и не больно задумывался над этим. Еще звали «нелюдимом»: видимо, считали, что Уве недолюбливает человеческий род. Что ж, с этим он мог бы согласиться. Люди редко отличаются особым умом.

Балагур из Уве тоже был никудышный. А это, по нынешним меркам, серьезный недостаток. Нынче положено уметь переливать из пустого в порожнее с любым придурком, какой ни подвалит к тебе, просто потому, что это считается «хорошим тоном». Не понимал Уве, как так можно. Не так он воспитан. Видно, надо было тщательней готовить его поколение к временам, когда всякий станет только трындеть о деле, а к самому делу будет не способен. Разве что у дома своего постоять умеет да ремонтом новым похвастать, будто ремонт этот своими руками сделал. А сам отвертку от молотка не отличит. Да, собственно, и не скрывает этого, мало того – похваляется! Словно не в цене нынче тот, кто сам умеет настелить настоящие деревянные полы, наладить гидроизоляцию в ванной, поставить зимнюю резину. Словно его, Уве, мастерство – безделица, пустяк. Зачем оно, когда можно пойти и все купить? Кому нужны такие самоделкины?

Уве прекрасно понимал, когда женины подруги удивлялись: как это – по собственной воле вставать спозаранку и весь день проводить с этим дундуком? Уве и сам удивлялся: как? Он собрал для нее книжный шкаф: она набила его книжками, в которых от корки до корки сплошь про чувства. Уве же ценил только то, что можно увидеть, пощупать. Бетон и цемент. Стекло и железо. Инструмент. Предсказуемые вещи. Прямые углы и четкие инструкции. Проектные модели и чертежи. Предметы, которые можно изобразить на бумаге. Сам Уве состоял из двух цветов – черного и белого.

Она раскрасила его мир. Дала ему все остальные цвета.

Пока Уве не встретил ее, он любил только одно – цифры. Из детства не помнил ничего – только цифры. Его не обижали, и сам он тоже никого не обижал, не был спортсменом, но не был и слабаком. Ни заводида, ни отверженный. Так, серединка на половинку. А что детских воспоминаний немного, так Уве не из тех людей, которые что-то запоминают без надобности. Он помнит только, что поначалу жил счастливо, а потом, через несколько лет, совсем наоборот.

А вот цифры, да, помнит. Как они наполняли его голову. Как скучал он по ним, когда кончались уроки математики. Другие шли на них как на каторгу, но не Уве. Он сам не знает почему. И гадать не хочет. Ему вообще непонятно, как можно ходить и рассусоливать – отчего

это, дескать, получилось так, как получилось? Человек таков, каков он есть, и делает то, что ему по силам, и этого вполне довольно, считает Уве.

Ему было семь, когда ранним августовским утром у матери отказали легкие. Мать работала на химическом заводе. В ту пору, как впоследствии выяснил Уве, мало что знали о дыхательных путях и технике безопасности. Да и дымила мать как паровоз. Как раз это воспоминание четко врезалось в память: как каждую субботу мать садилась у кухонного окна в их хибарке на городской окраине и, окутанная сизым табачным облаком, любовалась утренней зорькой. Иногда пела, тогда Уве забирался под окно с учебником математики на коленях и слушал, это он тоже хорошо помнит. Пусть голос у нее был сипловат и в ноты мать попадала далеко не всегда, Уве любил ее слушать.

Отец его работал на железной дороге. Заскорузлые, точно воловья кожа, исполосованная ножом, ладони, по лицу пролегли глубокие борозды – когда отец трудился, пот ручьями стекал по ним на грудь. Волосы жидкие, тело хлипкое, только мышцы на руках такие мощные, словно высечены из гранита. Однажды родители взяли маленького Уве на какой-то праздник, устроенный одним железнодорожником, товарищем отца. Отец пил пиво, когда кто-то из гостей предложил остальным бороться на руках. На лавку против отца садились такие шкафы, каких Уве отродясь не видывал. В каждом добрых два центнера весу. Всех их отец одолел. А позже – вечером, когда возвращались домой, отец, положив руку Уве на плечи, сказал: «Запомни: только дурак думает, что сила и габариты – это одно и то же». Уве запомнил это на всю жизнь.

Отец пальцем никого не тронул. Ни сына, никого. Одноклассников Уве, бывало, лупцевали за проступки – в школу приходили то с синяком под глазом, то с рубцами от ремня. Уве – ни разу. «У нас в семье руки не распускают, – учил его отец. – Ни на своих, ни на чужих».

На работе отца любили. Тихий, добрый. Кто-то, правда, считал, что чересчур добрый. Уве помнит, что в детстве не понимал, что в этом плохого.

А потом мать умерла. И отец совсем смолк. Словно она забрала с собой те немногие слова, которые у него были прежде.

Теперь оба обходились без лишних слов, что отец, что Уве, хотя жили душа в душу. Покойно сидели в тишине, каждый по свою сторону обеденного стола. И занятие подходящее умели себе сыскать. Позади дома, в дупле трухлявого дерева, угнездились птичье семейство, так они подкармливали пичуг раз в два дня. Причем, как усвоил Уве, важно было кормить именно раз в два дня. Почему – непонятно, впрочем, он и не стремился понять все на свете.

По вечерам ужинали колбасой с картошкой. Потом резались в карты. Лишнего в доме никогда не водилось, но на жизнь хватало.

Матушка забрала с собой в могилу почти все слова, которые знал отец. Оставила ему ровно столько, чтоб рассказывать про моторы. А рассказывать про них отец мог без устали. «Мотор, брат, любит уважительное обращение. Коли ты к нему с душой, то и он к тебе с добром. А станешь гнобить его – попадаешь к нему в рабство».

Машины у отца долго не было, а потом, в сороковых-пятидесятых, когда окружные начальники с промышленными директорами накупили себе железных коней, этот молчаливый железнодорожник прослыл в общем мнении очень полезным человеком. Школу отец не закончил, и понять, что к чему в учебниках Уве, ему было мудрено. Зато он разбирался в моторах.

Однажды, когда директор выдавал замуж дочку и кабриолет, с шиком и помпой поданный к церкви, чтобы забрать жениха с невестой, вдруг сломался, решили послать за отцом Уве. Тот прикатил на велосипеде с инструментальным ящиком – таким тяжеленным, что, когда отец снял его с багажника, два других мужика едва дотащили этот ящик до места. А когда отец укатил обратно, проблемы, из-за которой за ним послали, как не бывало. Директорша пригласила отца за свадебный стол, на что тот тихо ответил, что неудобно сажать за один стол нарядных гостей с таким чумазым, как он, – пятна мазута на руках не отмываются, стали считать что родимыми. Другое дело, коли хлеба да мяса дадут, он бы снес гостинец своему пареньку,

сказал отец. Уве как раз исполнилось восемь. Вечером, когда отец выложил мясо с хлебом на стол, мальчишка вообразил, что именно так должен выглядеть королевский ужин.

Несколько месяцев погодя директор снова вызвал отца Уве. На стоянке перед директорской конторой стоял выдавший виды 92-й «сааб» – первый легковой автомобиль, выпущенный заводом. Модель уже тогда так устарела, что была снята с производства, вместо нее «сааб» продавал другую, гораздо более современную – девяносто третью. Этого старичка отец знал как свои пять пальцев. Передний привод, поперечно расположенный двухтактник, бурлящий, точно кофеварка. «Битый, после аварии», – признался директор, заложив большие пальцы за подтяжки под пиджаком. И правда, бутылочно-зеленый кузов был сурово припечатан и вздыблен спереди, открывшийся под капотом пейзаж тоже был не ахти, этого отец не отрицал. Тем не менее, вынув из засаленного комбинезона отверточку, он покопался в машине и наконец заявил – что да, то да, попотеть-покумекать тут придется, но если ему дадут нормальный инструмент, то машину на ход он поставит.

– А чья она? – поинтересовался отец, выпрямившись и вытирая тряпкой промасленные пальцы.

– Да одного родственника моего, – сказал директор, выудил из кармана ключ и вложил в отцову ладонь, крепко пожав ее. – Была. А теперь твоя.

Хлопнув отца по плечу, директор вернулся в контору. А отец так и остался стоять посреди двора, судорожно глотая воздух. В тот вечер он раз за разом пускался рассказывать и показывать обалдевшему сыну все, что сам знал о сказочной диковинке, стоящей у них в саду. Полночи, усевшись на водительское сиденье и посадив сына на колени, объяснял, как устроена механическая часть. Припомнил каждый винтик, каждый тросик. Никогда Уве не видел, чтобы гордость так переполняла человека. Именно в тот вечер восьмилетний Уве решил, что будет ездить только на «саабе» и ни на чем больше.

По субботам, если у отца выпадал выходной, отец вел Уве во двор, поднимал капот и подробно учил, как какая деталь называется и для чего нужна. По воскресеньям они вдвоем шли в церковь. Ни отцу, ни Уве Бог не был особенно близок, просто матушка-покойница не пропускала служб. Вот они шли и сидели там позади всех, вперив глаза каждый в свое пятно на полу. По совести сказать, во время службы оба больше думали не о том, как им не хватает Бога, а о том, как не хватает матушки. То есть посвящали время ей, даром что ее давно не было с ними. Затем отец и Уве часами катались проселками. Этих воскресных прогулок Уве ждал целую неделю.

А чтобы Уве, придя домой из школы, не пинал балду, с того же года он стал ходить к отцу в депо. А там грязь, зарплата с гулькин нос. Зато «работа уважаемая – уже немало», бормотал отец себе под нос.

Уве любил всех путейцев. Кроме Тома. Долговязого, сварливого малого, кулачищи размером с автофургон, а глазки вечно снуют, словно ищут, какую бы пнуть безответную животину.

Когда Уве было девять, отец как-то отправил его помочь Тому убраться в поломанном вагоне. Посреди уборки Том вдруг радостно воскликнул – нашел портфель, в суматохе забытый кем-то из пассажиров. Портфель свалился с багажной полки, барاخло оттуда рассыпалось по полу. Встав на карачки, Том быстренько заграбастал все, что сумел отыскать.

– Что нашли, то наше, – подмигнул он Уве, и в глазах его сверкнуло что-то, от чего по коже Уве побежали мурашки.

Том хлопнул парнишку по спине – аж в ключицу отдало. Уве промолчал. Пошел из вагона, как вдруг наткнулся на бумажник. Уве поднял его – податливая кожа казалась шелковой на ощупь. Отцу приходилось обматывать свой старенький бумажник резинкой – чтоб не развалился. А этот! Этот застегивался на серебряную кнопочку, щелкающую, когда его открывают. Внутри лежало шесть тысяч крон. По тем временам целое состояние!

Том как увидал, хотел вырвать кошелек из рук Уве. Но в мальчишке выиграло природное упрямство. Получив внезапный отпор, Том опешил. Краем глаза мальчик видел, как над ним уже навис гигантский кулак. Уве понял, что не успеет дать стрекача. А потом зажмурился и, что было силы вцепившись в кошелек, стал ждать неминуемой расправы.

Неожиданно для обоих между ними вырос отец Уве. Том, коротко глянув на него, гневно выдохнул, аж зашипело в горле. Отец остался стоять на месте. Том нехотя опустил кулак, попятился.

– Что нашли, то наше: всегда так было, – пробурчал он, показывая отцу на бумажник.

– Пусть решает, кто нашел, – ответил отец, не отводя взгляда.

Том почернел. Попятился еще на несколько шагов, не выпуская портфель из рук. Всю свою жизнь он проработал на железной дороге, но никто из путейских слова доброго про него не сказал. Пропустив одну-другую кружку пива за праздничным столом, не раз честили его подлецом и злыднем. Только отец ни разу не сказал про Тома худого. «Четверо ребятишек и хворающая баба, – говорил он, заглядывая каждому из товарищей в глаза. – Другой на месте Тома похлеще подличал бы». После таких слов товарищи обычно меняли предмет беседы.

Отец указал Уве на бумажник.

– Решай сам, – велел сыну.

Уве уперся взглядом в пол, чувствуя, как глаза Тома жгут ему темя. Негромким, но твердым голосом объявил, что деньги лучше снести в бюро находок. Отец молча кивнул, взял Уве за руку и повел вдоль путей. Так они шли дольше получаса, не проронив ни слова. Позади них разорялся Том, голос его клокотал от ярости. Уве на всю жизнь запомнил этот голос.

Тетка из бюро находок не поверила своим глазам, когда они выложили перед ней бумажник.

– Так просто лежал на полу? А сумки или портфеля не было? – поинтересовалась она.

Уве вопросительно взглянул на отца. Тот стоял с невозмутимым видом. Уве изобразил такой же.

Тетке оставалось только принять это как ответ.

– Мало кто решился бы вернуть эдакую прорву денег, – улыбнулась она Уве.

– Мало кто знает, что такое совесть, – отбрил ее отец, взял сына за руку, резко развернулся и пошел обратно на работу.

Они прошли метров двести вдоль железной дороги, когда Уве, кашлянув, осмелился спросить отца, почему тот ничего не рассказал про портфель и Тома.

– Мы не из тех, кто закладывает других, – ответил отец.

Уве кивнул. Дальше пошли молча.

– Я хотел взять деньги себе, – наконец прошептал Уве и крепко сжал отцовскую ладонь, словно боялся, что тот бросит его руку.

– Знаю, – сказал отец, еще плотнее сжимая его ладонь.

– Просто я знал, что ты вернул бы кошелек, а такой, как Том, – не вернул бы, – сказал Уве.

Отец кивнул. И больше о том не говорили.

Принадлежи Уве к числу людей, рефлексирующих над тем, как да почему они стали такими, какими стали, вероятно, он констатировал бы, что именно в тот день усвоил, что поступать надо по совести. Впрочем, Уве не сильно углублялся в подобные размышления. Помнил только, что в тот день решил и дальше быть как отец, да и все тут.

Отца не стало, когда Уве едва пошел семнадцатый год. Задавило шальным вагоном. Всего наследства только и было, что старенький «сааб», покосившаяся халупа в двух десятках километров от города да пузатые отцовы часы. Уве не может толком объяснить, что случилось с ним в тот день. Просто радость покинула его. На долгие годы.

Пастор на кладбище стал уговаривать Уве перейти в приют, но тут же получил отповедь – Уве и мысли не допускал, чтоб жить на подаяние: не так воспитан. Заодно Уве объявил пастору, чтоб тот не держал за ним места на церковной скамье – в обозримом будущем Уве не станет ходить на воскресные службы. Не то чтобы он разуверился в Боге, просто, по его мнению, Господь в данном случае поступил как-то по-свински.

На другой день Уве направился в железнодорожную контору, где получал зарплату отец. Тетки из бухгалтерии никак не могли понять паренька, силившегося втолковать им, что отец умер шестнадцатого. Стало быть, сами понимаете, не стоит ждать, что покойник доработает оставшиеся две недели этого месяца. А так как получку отцу выдали вперед, Уве хотел вернуть сумму за неотработанное время.

Тетки робко попросили его покамест посидеть, обождать, Уве согласился. Через четверть часа в контору вошел директор и увидел на стуле в коридоре чудного паренька, принесшего в конверте зарплату погибшего отца. Директор сразу смекнул, что это за паренек. Убедившись, что мальчишка наотрез отказывается оставить себе деньги, по его мнению еще не отработанные отцом, директор не придумал ничего лучше, как предложить пареньку доработать остаток месяца за отца. Такое предложение Уве устроило: учителям он сообщил, что будет отсутствовать ближайшие две недели. В школу он больше не вернулся.

Он проработал на железной дороге пять лет. И однажды утром встретил ее. И засмеялся – впервые с того дня, как умер отец. Отныне жизнь его пошла совсем по-другому.

Уве, по общему мнению, видел все в черно-белом цвете. Она раскрасила его мир. Дала ему остальные краски.

6. Уве и велосипед, который должен знать свое место

На самом деле Уве просто хочется спокойно умереть. Разве он многого просит? Отнюдь. Наверное, лучше было бы уйти тогда – полгода назад. Сразу, как ее схоронил. Сейчас он с этим не спорит. Но тогда решил, что никак нельзя. Из-за работы, будь она неладна. Это что ж будет, коли один, другой, третий, вместо того чтоб трудиться, начнут накладывать на себя руки почем зря?

Итак, жена умерла в пятницу, схоронил ее Уве в воскресенье, а уже в понедельник явился на работу. Как штык. Прошло шесть месяцев, и тут в понедельник, здравствуйте пожалуйста, приходит начальство и говорит, что предпочло не откладывать дело до пятницы, чтобы не «испортить Уве выходные». Так что уже во вторник он смазывал пропиткой столешницу.

И вот к полудню давешнего понедельника закончил последние приготовления. Обратился в похоронное бюро, купил место на кладбище, поближе к жене. Позвонил адвокату, написал прощальное письмо с пошаговыми инструкциями, вложил его в конверт с важными квитанциями, договором купли-продажи на дом и паспортом техобслуживания «сааба». Сунул конверт во внутренний карман пиджака. Выкрутил все лампочки, оплатил все счета. Кредитов он не брал. Долгов не имел. Убирать за ним не придется, сам похлопотал. Помыл кофейную чашку и отказался от подписки на газету. Пора.

И вот он сидит в «саабе», глядя сквозь открытые ворота гаража, и думает: ну, теперь главное – помереть спокойно. Если не помешают соседи, можно отправиться на тот свет нынче же днем.

В гаражном проеме виднеется заплывший жиром сосед – стоит на парковке. Не то чтобы Уве недолюбливал толстяков. Нисколько. Каждый волен быть таким, каким хочет. Просто Уве никак не мог взять в толк, как им это удается. Это ж сколько надо лопать, чтобы фактически удвоиться? Можно ли нагулять такие мяса, если к этому нарочно не прилагать усилий, задается вопросом Уве.

Толстяк замечает Уве. Приветливо машет. Уве сдержанно кивает в ответ. Юноша, остановившись, продолжает махать так энергично, что сиськи колыхаются под футболкой. Уве твердит, что не знает другого такого, кто может в одну харю стрескать ведро чипсов. Что ты, куда ему, вечно возражает жена.

Вернее, возражала. Вечно возражала.

Ей нравился этот упитанный соседский юноша. Когда его мать умерла, жена Уве стала раз в неделю носить ему коробки с обедами. А то что же, он совсем отвыкнет от домашней еды. Да ему что ни дай, все одно, с коробкой сожрет, вставлял Уве, видя, что контейнеры пропадают с концами. Тут жена обычно перебивала: «Может, хватит?» На том и кончали разговор.

Дождавшись, пока пожиратель контейнеров скроется из виду, Уве выходит из «сааба». Трижды дергает за ручку. Запирает ворота. Трижды дергает за ручку. Идет по дорожке между

домами. Останавливается у велосипедного сарая. К его стене прислонен велосипед. Опять?! Прямо под знаком, запрещающим ставить тут велосипеды?

Уве берет велосипед. Переднее колесо спущено. Уве открывает сарай и аккуратно ставит велосипед в ряд с остальными. Запирает дверь, трижды дергает замок, как вдруг ломающийся голос орет ему в ухо:

– Блин! Вы чё делаете?

Уве разворачивается и видит в двух шагах от себя какого-то сопляка.

– Ставлю велосипед на место.

Сопляку лет восемнадцать, решает Уве, приглядевшись повнимательней. Пожалуй, скорее шкет, чем сопляк.

– Не имеете права! – протестует шкет.

– Еще как имею.

– Да я починить его хотел! – выдыхает парень, голос его срывается на визг, как старый патефон.

– Это дамский велосипед, – замечает Уве.

– Ну да, и чё? – нетерпеливо соглашается шкет, будто тут нет ничего такого.

– Стало быть, не твой, – подводит итог Уве.

– Ну, бли-и-ин, – закатывает глаза шкет.

– Вот так вот, – говорит Уве и сует руки в карманы, как бы показывая, что вопрос закрыт.

Оба выжидающе смотрят друг на друга. Шкет всем своим видом выражает сомнение в адекватности Уве. Взгляд Уве свидетельствует: шкет – только лишний перевод кислорода. Тут Уве замечает позади шкета другого такого же. Только еще более тощего и с черными разводами под глазами. Второй шкет тихонько тянет первого за куртку и мямлит что-то вроде «да ладно тебе, не связывайся». Первый упрямо лягает снег. Словно снег виноват.

– Это девушки моей, – выдавливает наконец.

Не с возмущением, скорее обреченно. Большущие кеды, точно на вырост, куцые джинсы, примечает Уве. Олимпийка натянута на подбородок, от холода. Бледно-зеленоватая кожа, подернутая пушком и усеянная угрями. Слипшийся вихор, будто мальчика тащили за волосы из бочки с клеем.

– И где же она живет? – интересуется Уве.

Негнущейся рукой, точно парализованной усыпляющим патроном, шкет показывает на крайний дом на улочке. Тот, где коммунисты с дочками живут. Которые затеяли всю петрушку с сортировкой мусора. Уве кивает:

– Вот пусть она сама придет и возьмет его из сарая.

Он демонстративно стучит пальцем по знаку, запрещающему приставлять велосипеды к сараю. После чего разворачивается и идет восвояси.

– Старый хрен! Каз-зёл! – кричит ему шкет вдогонку.

– Тише ты, – затыкает ему рот дружок с черными разводами вокруг глаз.

Уве не отвечает.

Он идет мимо знака, категорически запрещающего движение машин по территории поселка. Того самого знака, который в упор не разглядела беременная соседка. Хотя Уве ясно как день: не заметить было невозможно. Уве ли не знать – он же сам этот знак устанавливал. С досадой он идет дальше, по узкой дорожке между домами, печатая каждый шаг так, что со стороны можно подумать: чудак утаптывает асфальт. Что ли мало у нас во дворе придурков, вздыхает Уве. Превратили поселок черт-те во что, в ухаб на дороге прогресса. Пижон на «ауди» и его бледная немочь – из дома наискосок, на краю – коммунисты с пигалицами-дочками: волосы ярко-рыжие, шорты поверх легинсов, рожи размалеваны, что твой енот наоборот. Да они, кажется, в Таиланде сейчас отдыхают. Ладно, без разницы.

А парень в соседнем доме – четверть века от роду и четверть тонны весу! Еще и волосья отрастил, как баба, и носит все не пойми какие майчонки. Раньше с матерью жил, третий год как померла. Зовут, кажись, Йимми, жена вроде говорила. Чем живет, бог весть: может, уголовник. А может, ветчину дегустирует.

В крайнем доме на стороне Уве живут Руне с супругой. Не хочется называть его врагом. Да тут уж ничего не поделаешь – вражина и есть. Именно с Руне все началось, из-за него теперь поселок катится ко всем чертям. Он да супружница его Анита переехали сюда в тот же день, что и Уве с женою. Руне сперва ездил на «вольво», потом, вишь, купил БМВ. Ну о чем с такими говорить, разводит руками Уве.

К тому же именно Руне спланировал тот самый путч – когда Уве погнали из председателей правления. За что боролись, на то и напоролись: счета за электричество заоблачные, велосипеды валяются где ни попадя, а жильцы утюжат двор машинами с прицепом. Несмотря на знаки, *категорически* запрещающие движение. А ведь Уве предупреждал, да никто не слушал. А тогда он бросил это дело – и больше на собрания ни ногой.

Уве жует губами, словно собираясь сплюнуть, всякий раз, когда в голове его звучат слова «собрание собственников жилья». Словно слова эти похабные.

Не дойдя шагов пятнадцать до разбитого почтового ящика, он вдруг замечает перед своим домом бледную немочь. Та чем-то увлечена, Уве не сразу понимает чем. Мотыля на шатких каблуках, она остервенело замахивается куда-то поверх его дома. Под ногами у нее снует и тявкает недоразумение – то самое, что обоссало ему всю плитку. Кто знает, может, это и не собака. Так, валенок с глазками.

Бледная немочь орет в сторону дома. Так истошно, что черные очки съезжают на кончик носа. Валенок заливается пуще прежнего. Тетка, видно, вконец спятила, решает Уве, предусмотрительно останавливаясь в нескольких шагах от нее. Тут только до него доходит, к чему вся эта жестикуляция. Тетка кидается камнями. В кошака.

Тот забился в дальний угол за сараем. На шкуре пятнышки крови. Вернее, на остатках шкуры. Валенок скалит зубы. Кошак шипит в ответ.

– Ах, ты еще шипеть на Принца! – ярится бледная немочь, хватая камень с клумбы Уве и швыряет в кота.

Кошак уворачивается. Камень попадает в оконный отлив.

Бледная немочь готовится кинуть новый камень. Уве в два прыжка подскакивает к ней, дышит ей в затылок:

– Ну-ка, кинь еще камень в мой дом – сама вверх тормашками полетишь!

Она поворачивается кругом. Взгляды их скрещиваются. Руки Уве преспокойно лежат в карманах, ее же кулаки пляшут у него под носом, будто отгоняя двух мух величиной с микро-волновку. Ни один мускул не дрогнул на лице у Уве – не дождется.

– Эта тварь поцарапала Принца! – Глаза ее вращаются от бешенства.

Уве переводит взгляд на валенок. Собачонка рычит на него. Уве смотрит на кошака – тот сидит под домом драный, весь в крови, но с гордо поднятой головой.

– Да и у него кровь. Выходит, квиты, – заключает Уве.

– Да я урою эту скотину! – выпаливает немочь.

– Если я тебе позволю, – невозмутимо отрезает Уве.

– Это же лишай ходячий, рассадник бешенства, чумки, фиг знает чего! – угрожающе подступает она.

Уве смотрит на немочь. Потом на кошака. Кивает:

– Небось и ты тоже. Я ж в тебя за это бульниками не швыряюсь.

Нижняя губа у нее трясется. Немочь поправляет съехавшие очки. Рывкает:

– Не хамите!

Уве кивает. Указывает на валенок. Тот норовит цапнуть его за икру, Уве вдруг резко топает – валенок едва успевает увернуться.

– Собаку надо выгуливать на поводке! – замечает Уве немочи.

Мотнув крашеными лохмами, та громко хмыкает: из правой ноздри показывается сопля – или это Уве только чудится?

– А этого, значит, не надо? – машет немочь в сторону кота.

– Не твоя забота, – парирует Уве.

Немочь смотрит на Уве взглядом, исполненным превосходства и в то же время смертельной обиды. Валенки щерится и негромко ворчит.

– А ты что, старпер, всю улицу купил? – спрашивает блондинка.

Уве снова невозмутимо указывает на валенок:

– И чтоб твоя псина больше не ссала возле моего дома, не то я напряжение на плитку дам.

– Принц не ссыт на твою гребаную плитку, урод! – фыркает немочь и, сжав кулаки, подступает к Уве на два шага.

Уве бровью не ведет. Она останавливается. Гневно дышит. Тут, видимо, в ней просыпаются остатки здравого смысла.

– Пошли отсюда, Принц, – командует она.

Потом грозит пальцем Уве:

– Я все Андерсу скажу, ты об этом пожалеешь!

– Скажи ему лучше, чтоб хозяйство свое поменьше чесал у меня под окном, – отвечает Уве.

– Долбанный маразматик! – ругается она, уходя на стоянку.

– Да еще скажи: машина у него – говно! – кричит ей вдогонку Уве.

Она показывает ему палец, Уве не понимает смысла этого жеста, но догадывается, что какой-то смысл быть должен. Немочь с валенком направляются к дому Андерса.

Уве сворачивает к сараю. На плитках у клумбы видит свежую собачью лужицу. Жаль, не будь после обеда дел поважнее, отправился бы напрямиком к Андерсу и сделал бы из валенка коврик для прихожей. Теперь недосуг. Уве идет в сарай, берет дрель и коробку с набором сверл.

Выйдя из сарая, замечает, что кошка сидит, как сидел, и пялится на него.

– Все, ушли – ступай по своим делам, – говорит ему Уве.

Кошка ни с места. Уве качает головой:

– Ну, ты, захребетник. Ты в товарищи-то ко мне не набивайся.

Кот сидит. Уве разводит руками:

– Елки-моталки, если я разок вступился за тебя, когда эта задрыга камня швыряла, это еще не значит, что ты мне нравишься, леший тебя задери. Просто эта фифа еще хуже тебя.

Машет в сторону Андерсова дома.

– Но больше поблажек не жди, уяснил?

Кошка, кажется, тщательно обдумывает услышанное. Уве указывает на дорожку:

– Сгинь!

Кошка между тем без лишней суеты зализывает израненную шкуру. Держится чинно, точно на переговоры пришел и теперь анализирует предложение. Наконец неспешно встает и вразвалочку скрывается за сараем. Уве даже не глядит. Идет напрямиком домой. Заходит, захлопывает дверь.

Все, хватит. Уве собрался умереть.

7. Уве вбивает крюк

Уве наряжается в парадные брюки и рубашку. Бережно, словно ценные полотна, укрывает пол пленкой для ремонта. Пол пусть не новый, да ведь всего два года, как отциклевал. А укрывает его Уве, собственно, не из-за себя. Испачкать точно не испачкает – крови от висельника, почитай, никакой; запылить, когда сверлить станет, тоже особо не боится. Табуреткой и той не поцарапает – когда ее ногой отодвинет. Потому как на ножки Уве предусмотрительно наклеил пластиковые подкладки, никаких следов не останется. Так что пленка, которой Уве столь тщательно застилает и прихожую, и гостиную, и даже добрую половину кухни (словно собрался сделать из дома бассейн), вовсе не из-за Уве.

Нет, просто он представил, что тут потом начнется: санитары небось еще тело вывезти не успеют, как сюда всей ненасытной оравой сбегутся вшивые риелторы. Чтоб они шаркали по полу своими башмаками – это уж хрен! Даже через его труп! Пусть так и знают.

Уве ставит посреди комнаты стремянку. На ней пятна – семи цветов. С некоторых пор жена решила, что раз в полгода Уве должен перекрашивать одну из комнат. Вернее, придумала, что хорошо бы перекрашивать стены раз в полгода. С этой причудой жена пришла к Уве, но получила решительный отказ. Тогда она обратилась к малярам – сговорились о цене. После чего пошла к мужу. Услыхав, сколько она собирается отвалить за ремонт, Уве бросился в чулан за стремянкой.

Потеряв близкого, мы вдруг принимаемся тосковать по каким-то вздорным пустякам. По ее улыбке. По тому, как она ворочалась во сне. По ее просьбам – перекрасить ради нее стены.

Уве вносит коробку со сверлами. Сверла – наиглавнейший компонент. Сверла, а не дрель. Точь-в-точь как поставить добротные шины куда важнее, чем заморачиваться всякой хренью типа керамических колодок. Кто ездил, тот знает. Уве встает посреди комнаты, прикидывает на глаз. Потом обводит взглядом сверла, точно хирург свои скальпели. Выбирает одно, вставляет в дрель, пробует, нажимает на кнопку. «Грррр», – говорит дрель. Уве качает головой – нет, не годится! Меняет сверло. И так четырежды, пока не подберет подходящее. А выбрав, проходится по комнате с дрелью наперевес, точно это не дрель, а большой револьвер.

Снова останавливается посередине, смотрит на потолок. Вдруг понимает: прежде чем сверлить, хорошо бы примериться. Найти центр. А то хуже нет – дырявить потолок на авось.

Он идет за рулеткой. Измеряет. От каждой стороны. Дважды – для верности. Ставит крестик ровно по центру.

Уве слезает со стремянки. Обходит дом, проверяя, улеглась ли пленка. Отпирает входную дверь (а то будут вскрывать – поломают, с них станется). Дверь-то хорошая. Много лет еще прослужит.

Надевает пиджак, проверяет внутренний карман – на месте ли конверт.

Напоследок Уве отворачивает портрет жены лицом к окну. Не хочет, чтобы она видела это, но и положить портрет лицом вниз не решается. Жена всегда безумно расстраивалась, если некуда было смотреть. «Лишь бы что-то живое, чтобы было на что любоваться», – твердила она. Вот и пусть любитесь на сарай. Глядишь, опять кошка прибежит. Уж как она их обожает, кошек этих.

Уве берет дрель, берет крюк, лезет на стремянку, сверлит. Когда в дверь звонят в первый раз, он уверен: ослышался. И именно поэтому решает не открывать. Но звонок повторяется – и Уве понимает: нет, не ослышался. И именно поэтому решает не открывать.

В третий раз Уве бросает сверлить и сердито смотрит на дверь. Словно силой мысли старается спровадить непрошеного гостя: поди прочь. Силы его мысли явно не хватает. Непрошенный гость, очевидно, думает, что единственным разумным объяснением того, почему его не выпускают, является предположение, что хозяева не слышат звонка.

Уве слезает со стремянки, решительным шагом идет по пленке из комнаты в прихожую. Ну что ты будешь делать? Уж и помереть нельзя спокойно!

– Чего еще? – ворчит он, распахивая дверь.

Увалень едва успевает убрать здоровенную башку – еще чуть-чуть и схлопотал бы створкой по морде.

– Привет! – радостно выпаливает беременная приезжая, стоящая рядом, – ее голова находится на полметра ниже.

Уве смотрит на увальня, потом – на нее. Увалень тем временем осторожно ощупывает лицо – не лишился ли ненароком какой выступающей детали.

– Это вам. – Соседка дружелюбно сует Уве в руки синий пластмассовый коробок.

Уве смотрит скептически.

– Это печенье, – весело объясняет она.

Уве степенно кивает. Мол, ясно.

– Какой вы нарядный! – улыбается соседка.

Уве кивает.

Следует немая сцена: все трое стоят и ждут, когда кто-нибудь что-нибудь скажет. Наконец, взглянув на супруга, соседка неодобрительно качает головой. Толкает его в бок, нашептывает:

– Дорогой, может, хватит ковырять лицо?

Увалень, опомнившись, глядит на нее, кивает. Смотрит на Уве. Уве – на беременную. Увалень тычет в коробок, скалится:

– Она из Ирана. У них там без еды шагу из дома не ступят.

Уве смотрит на него, как в пустоту. Увалень, робея, добавляет:

– Так я вот... как раз подхожу для иранок. Они любят готовить. А я люблю... – Губы его уже расплываются в широкую улыбку.

Но замирают. Уве всем видом выражает полнейшее безразличие.

– ...поесть, – договаривает увалень.

И уже собирается описать в воздухе пальцами эдакую загогулину. Но, глянув на супруга, передумывает – вдруг это не самая удачная мысль?

Уве отворачивается от него к соседке. Устало, как мамаша отворачивается от сластены, когда тот переест варенья.

– Чего вам? – повторяет он вопрос.

Она приосанивается, складывает руки на пузе.

– Мы пришли знакомиться, мы же теперь соседи, – улыбается ему.

Уве коротко и твердо кивает:

– А! Ну, будьте здоровы! – и хочет уйти.

Она придерживает дверь.

– А еще хотим поблагодарить, что помогли с прицепом. Так выручили, так выручили!
Уве хрюкает. Нехотя остается в дверях.

– Да чего там, не стоит благодарности.

– Стоит, стоит, – возражает соседка.

Уве, явно польщенный, смотрит на увальня:

– Я к тому: чего тут благодарить, когда взрослый мужик не может управиться с прицепом.

Увалень глядит, словно гадая: оскорбили его или нет. Пусть гадает, решает Уве. Снова хочет закрыть дверь.

– Я – Парванэ, – говорит беременная приезжая, ставя ногу на порог.

Уве смотрит на ногу, потом на лицо ее обладательницы. Словно силится понять, не снится ли ему это.

– А я – Патрик! – говорит увалень.

Ни Уве, ни Парванэ не обращают на него внимания.

– А вы всегда такой колючий?

Уве обиженно бурчит:

– Ничего я не колючий.

– Ну, немножко-то колючий.

– Ничего не колючий!

– Конечно, конечно. Ваши слова просто ласкают слух! – отвечает она. Что-то в ее тоне подсказывает Уве, что думает она совсем по-другому.

– А, арабское курабье? Так? – бормочет он наконец.

– Персидское, – поправляет она.

– А?

– Я из Ирана. Там живут персы.

– Перцы?

– Да.

– Хороши, нечего сказать, – соглашается Уве.

Она вдруг хохочет, совершенно огорошив его. Так газировка, если слишком быстро плеснуть в стакан, вспенится и польется через край. Никак не вписывается этот хохот ни в серый бетон, ни в прямоугольную геометрию каменной плитки. Шумный, хулиганский, против всех предписаний и правил.

Уве пятится. Цепляет скотч, которым приклеил пленку к порогу. Раздраженно трясет ногой, пытаясь стряхнуть ленту, но лишь свозит кусок пленки в углу. Пытаясь освободиться от липких пут, оступается и отдирает еще больший кусок. Еле удерживается на ногах. Становится на пороге, собирается с силами. Взявшись за ручку, смотрит на увальня, резко меняет тему:

– Ну а ты чем занимаешься?

Увалень чуть поводит плечом, смущенно улыбается:

– Я айтишник.

Уве с Парванэ качают головой. Удивительно слаженно – хоть на соревнованиях по синхронному плаванию выступай. И Уве пусть крайне неохотно, пусть на пару мгновений, но как будто чуть меньше недолюбливает ее.

А увалень словно и не слышит, будто речь и не о нем вовсе. Зато с любопытством разглядывает дрель – Уве держит ее как-то небрежно, но вместе с тем так естественно – словно рисуется, словно он африканский повстанец с «калашом», дающий интервью западной прессе за минуту до штурма правительственного дворца. Надивившись досыта, увалень вытягивает шею и заглядывает внутрь дома.

– А что вы делаете?

Уве в ответ глядит на увальня так, как глядел бы любой человек с дрелью в руке, у которого спросили: «А что вы делаете?»

– Сверлю.

Глянув на увальня, Парване закатывает глаза. За такое Уве мог бы даже слегка зауважать ее, если бы не пузо – красноречивое свидетельство того, что баба совершенно добровольно вынашивает третью по счету генную модификацию этого олуха.

– А, – кивает увальень.

Снова заглядывает внутрь и видит, что полы в гостиной аккуратно застелены пленкой. Вдруг оживает, с улыбкой подмигивает Уве:

– А такое чувство, будто замышляете убийство.

Уве молча наблюдает.

Кашлянув, увальень добавляет, уже нетвердым голосом:

– Просто похоже на эпизод из «Декстера».

Ухмылочка на его лице теряет прежнюю уверенность.

– Сериал есть такой... про одного типа... убийцу, – едва слышно лепечет увальень и начинает ковырять ботинком зазор между пленкой и порогом.

Уве качает головой. Немного непонятно, по поводу какой именно из сказанных увальнем глупостей.

– Мне некогда, – коротко говорит он Парване, покрепче ухватывая дверную ручку.

Парване многозначительно пихает увальня в бок. Тот косится на нее, словно собираясь с духом. Наконец смотрит на Уве – затравленно, словно весь мир собрался расстрелять его из рогатки.

– Мы вообще-то пришли попросить у вас парочку вещей...

– Каких еще вещей?

– Лестницу. И еще шестилапик?

– В смысле, шестигранник?

Парване кивает.

Увальень озадачен:

– А не шестилапик, нет?

– Шестигранник, – в один голос восклицают Уве с Парване.

Парване победно вскидывает голову, кивает на Уве:

– А! Что я тебе говорила?!

Увальень мямлит что-то чуть слышно.

– А ты мне: «Да ТЫ ЧЁ! Это шестилапик!» – передразнивает его Парване.

Увальень обижается:

– Я не таким тоном говорил.

– Таким, таким!

– Не таким!

– Нет, ТАКИМ!

– Нет, НЕ таким!

Уве только глазами водит с одной на другого, как здоровенный пес на двух мышат, не дающих ему вздремнуть.

– А я говорю – таким, – пищит один мышонок.

– Это ты его так называешь, – отвечает другой.

– Не я, а все!

– А все – что, не могут ошибаться?

– А если погуглим?

– А чё, и погуглим. Зайди в «Википедию».

– Давай мобильник.

– У тебя свой мобильник есть.

– Где? Я не взяла.

– Вот блин!

Уве смотрит на него. Потом на нее. Ссора закипела – не унять. Прямо два чайника на плите – кто кого пересвистит.

– Господи! – бормочет Уве.

Парване пытается пальцами изобразить что-то шестилапое, вроде жука. Жужжит, подначивая увальню. Подначка действует. И на увальню, и на Уве. Уве ретируется.

Он идет в прихожую, кладет дрель, снимает пиджак, надевает шлепанцы на деревянной подошве и направляется мимо соседей в сарай. Те едва ли заметили, как он прошел между ними. Он уж вынес лестницу, а они все лаются.

– Да помоги же ему, Патрик! – командует Парване, вдруг заметив Уве.

Увалень неловко принимает лестницу. Уве глядит на него так, точно увидал слепого водителя за рулем рейсового автобуса. И только тогда замечает: в его отсутствие к дому подтянулась еще одна личность.

Рядом с Парване стоит Анита, жена Руне, из крайнего дома. И благонаравно наблюдает за всем этим цирком. Единственный разумный выход: внушить себе, будто она ничего не видела. Хотя, может, это только раззадорит ее. Уве протягивает увальню коробку цилиндрической формы – в ней с любовью расставлены шестигранники всех сортов.

– Ой, сколько их! – Увалень чешет в затылке.

– Тебе какого размера? – интересуется Уве.

– Ну, какого... обычного размера, – отвечает увалень, обнаруживая свою принадлежность к породе людей, говорящих прежде, чем успеют подумать.

Уве долго, долго, очень долго смотрит на него.

– И для какой же надобности он тебе, мил человек? – спрашивает он наконец.

– Да мы, когда переезжали, комод из «Икеи» раскрутили. А этот, шестилапик-то, я и не взял, – без тени смущения отвечает увалень.

Уве смотрит на лестницу. Потом на увальню.

– А комод, стало быть, на крышу снес?

Увалень усмехается, мотает головой.

– Скажете тоже, ха! Не-е. Просто на втором этаже раму заклинило. Окошко, в смысле, не открывается. – Последнюю фразу увалень произносит так, словно пытается донести до Уве смысл слова «заклинило».

– И ты хочешь попробовать открыть его снаружи? – недоумевает Уве.

Увалень кивает. Уве собирается что-то сказать, но передумывает. Поворачивается к Парване:

– Ну а ты чего с ним пришла?

– Поддержать его морально, – стрекочет она.

Уве смотрит на нее с некоторым недоверием. И увалень как будто тоже.

Взгляд Уве невольно перемещается на жену Руне. Та все не уходит. Да, много лет минуло с тех пор, как он видел ее в последний раз. Вернее, когда в последний раз толком смотрел на нее. Сдала, постарела. Да и все вроде сдали, постарели.

– Чего тебе? – спрашивает Уве.

Анита мягко улыбается, складывает руки на животе.

– Прости, не хотела тебя тревожить, Уве, но у нас с батареями беда. Не греют совсем, – вкрадчиво объясняет она, улыбаясь по очереди каждому – Уве, увальню, Парване.

Парване с увальнем улыбаются в ответ. Уве смотрит на циферблат пузатых часов. Удивляется:

– Так день на дворе – у нас тут что, вообще никто не работает?

– Я на пенсии, – с виноватым видом отвечает Анита.

– А я в декрете, – беспечно шлепает себя по пузу Парване.

– А я айтишник, – говорит Патрик.

Уве с Парване снова синхронно качают головами.

Жена Руне не сдается:

– Все-таки, мне кажется, это что-то в самих батареях.

– Ты их продувала? – спрашивает Уве.

Она удивленно мотает головой:

– Ты думаешь, проблема в этом?

Уве закатывает глаза.

– Уве! – строго, как школьная училка, одергивает его Парване.

Уве округляет глаза. Парване отвечает ему тем же.

– Кончай вредничать, – требует она.

– Блин, да кто вредничает?!

Она не сводит с него глаз. Уве ворчит, хочет вернуться в дом, становится в дверях. Все, довольно, сыт по горло. Хотел всего лишь тихо-мирно повеситься. Неужто эти олухи не могут проявить элементарного уважения?

Парване ободряюще обнимает Аниту за плечи.

– Уве вам обязательно поможет с батареей.

– Ох, Уве, ты бы меня так выручил! – просяив, отвечает жена Руне.

Уве, руки в карманах, ковыряет мыском шлепанца отошедший край пленки.

– А мужик-то твой сам этого не может, что ли? В своем собственном доме?

Анита печально покачивает головой:

– Нет. Руне в последнее время очень болеет. Говорят, вроде Альцгеймер. Он, ну понимаешь, ему уже такое больше не потянуть. И вообще он в инвалидном кресле теперь. Тяжело-вато, конечно.

Уве кивает, словно припоминая. Словно жена ему тысячу раз об этом говорила, а он всякий раз умудрялся забывать.

– Ну да, ну да, – произносит он нетерпеливо.

Парване впивается в него взглядом:

– Возьми себя в руки, Уве!

Уве стремительно взглядывает на нее, словно собравшись ответить, но затем опускает глаза.

– Ты ведь можешь сходить к ней и продать батарею, это же не так уж трудно? – Парване решительно скрестила руки над животом.

Уве качает головой:

– Батарею не продать, а проду-у-уть надо... ос-споди.

Он окидывает взглядом всех троих:

– Вы что, никогда батарей не продували?

– Нет, – невозмутимо отвечает Парване.

Жена Руне смотрит на увальня с некоторой опаской.

– Понятия не имею, о чем они толкуют, – преспокойно отвечает увальень.

Жена Руне обреченно кивает. Снова смотрит на Уве:

– Если только тебя не затруднит, Уве, ты так бы меня выручил...

Уве стоит упершись взглядом в порог.

– Раньше надо было думать, когда путч в товариществе затевали, – отвечает Уве так глухо, что слова вылетают будто сами собой между чередой деликатных покашливаний.

– А? – недоумевает Парване.

Анита, тоже кашлянув, оправдывается:

– Уве, дорогой, бог с тобой, ну какой там путч?..

– Самый натуральный, – упрямится Уве.

Жена Руне грустно улыбается Парване:

– Понимаете, Руне и Уве не всегда находили общий язык. До болезни Руне был председателем нашего жилищного кооператива. А до Руне председателем был Уве. А как выбрали председателем Руне, тут между ними и пошел разлад.

Уве вскидывает на нее взгляд и указывает праведным перстом:

– Путч! Форменный путч!

Анита кивает Парване:

– Да, так вот, перед собранием Руне собрал подписи в поддержку своего предложения о замене отопительной системы во всех домах. А Уве решил...

– А много он смыслит в отопительной системе, твой Руне? Ни бельмеса! – нападает на нее Уве, но, перехватив взгляд Парване, воздерживается от дальнейшего натиска.

Анита соглашается:

– Да, да, ты все верно говоришь, Уве. Но Руне ведь сейчас так болен... что это все не так уж и важно.

Нижняя губа ее дрожит.

Справившись с собой, Анита гордо вскидывает голову, откашливается.

– Из социальной службы приходили. Сказали, что заберут его у меня, что поместят в дом престарелых, – вырывается у нее.

Сунув руки в карманы, Уве решительно скрывается за порогом. Все, мочи нет слушать такое.

Увалень тем временем придумал, на что перевести разговор, дабы разрядить обстановку. Он показывает на пол в прихожей Уве:

– А это чё такое?

Уве глядит на пол – как раз туда, где оторвалась пленка.

– Следы какие-то, вроде как от колес... Вы что, на велике по дому катаетесь? – недоумевает увалень.

Парване пристально следит за Уве, замечает, как он чуть попятился, пытаясь заслонить собой следы.

– Нет там ничего.

– Да вот же они, – удивляется увалень.

– Это жена его, Соня, она... – дружелюбно перебивает Анита, но едва успевает произнести это имя, как Уве обрывает ее – резко разворачивается, глаза бешеные:

– Молчи! ЗАТКНИСЬ!

Все четверо смолкают, потрясенные. Уве уходит, трясущимися руками захлопнув дверь. Из-за двери слышно, как Парване своим ласковым голосом интересуется у Аниты «в чем дело». Слышно, что Анита нервничает, подбирая слова, как наконец выдавливает: «Э, да так, ерунда, пойду-ка я домой. Это он из-за жены... она... да ладно, ничего... Болтлива я стала на старости лет...»

Уве слышит, как натужно смеется Анита. Слышит, как семенит восвояси, как стихает ее шарканье за углом сарая. Постояв немного, уходят и беременная соседка с увальнем.

В прихожей Уве остается только тишина.

Уве падает на табуретку, тяжело дышит. Руки трясутся, точно он угодил в прорубь. Сердце зашло. Последнее время пошаливать стало. Уве судорожно хватается за ртом, точно рыба из опрокинутого аквариума. Путейский доктор сказал, что это хроническое, главное, мол, не волноваться. Ему легко говорить.

«На заслуженный отдых, – сказала ему начальство. – Тем более порок сердца и все такое». Сказали, дают ему досрочную пенсию. А по Уве, так лучше б прямо сказали: «Списываем тебя в утиль». Третий века на одном месте, а тут нате – так вот низвести: «порок», понимаешь.

Уве не помнит, сколько просидел на табуретке с дрелью в руке, сердце зашлось, кровь загудела в висках. Рядом с парадной дверью висит фотокарточка – на ней Уве и жена. Соня. Снимок скоро сорок лет как сделан. В Испанию когда на автобусе ездили. Соня в красном сарафане, загорелая, счастливая. Рядом Уве, держит ее за руку. Проходит час, не меньше, а Уве все смотрит и не может оторвать глаз от фотографии. Вот по чему он тоскует больше всего на свете, вот чего страстно желал бы. Держать Соню за руку. Как она вкладывала свой указательный пальчик в его ладонь, словно в пенал. И когда делала так, чувствовал Уве, что нет в этом мире ничего невозможного. Вот чего ему так не доставало, больше всего на свете.

Он медленно встает. Идет в гостиную. Вздвигается на стремянку. Сверлит дырку, намертво вкручивает крюк. Слезает со стремянки, смотрит, что получилось.

Выходит в прихожую, надевает парадный костюм. Проверяет внутренний карман – на месте ли конверт. Уве пятьдесят девять лет. Он потушил весь свет. Помыл за собой кофейную чашку. Вбил крюк. Пора!

Он берет с вешалки в прихожей веревку. На прощание ласково проводит рукой по ее пальто. Идет в гостиную, продевает веревку, делает петлю, становится на табуретку, сует голову в петлю. Отбрасывает табуретку ногой.

Закрыв глаза, чувствует, будто чьи-то огромные жвала сомкнулись вокруг шеи.

8. Уве и отцовские заветы

Она верила в судьбу. Какими бы путями ты ни шел, все они в конце концов «приведут тебя к твоему предназначению». Уве, бывало, как услышит эти ее речи, лишь промямлит что-то себе под нос да вдруг заспешит-засобирается с озабоченным видом – какой-нибудь исключительно важный винтик прикрутить. Но перечить не перечил. Коли для жены есть «что-то важное», что ж – дело ее. Для него же важнее был «кто-то».

Странное дело – осиротеть в шестнадцать лет. Лишиться семьи, не успевши обзавестись собственной. Это совсем особенное одиночество.

Уве доработал за отца две положенные недели. В поте лица, по-взрослому. И почти сразу, к своему изумлению, почувствовал вкус к работе. В ней высвободилась его воля. Взялся за дело – и из-под рук твоих выходят плоды твоего труда. Не подумайте, что Уве плохо относился к школьной науке, просто он никак не мог понять, какой от нее толк. Он любил математику (и по ней успел года на два обогнать одноклассников). А в другие предметы, сказать по чести, особо и не вдавался. Работа же – совсем другое дело. Она давалась куда легче.

Отстояв последнюю смену, Уве уходил из депо задумчивым и печальным. Не то беда, что предстояло вернуться к учебникам, его вдруг поразила мысль – на что же теперь жить? Отец Уве был, конечно, человеком всевозможных достоинств, вот только добра, как уже сказано, не нажил – оставил Уве лишь ветхую хибарку, старенький «сааб» да пузатые часы. Податься на церковные хлеба – это уж шиш с маслом, не дождется Боженька. Уве так и заявил во всеуслышание, прямо в раздевалке – может, даже не столько Богу, сколько самому себе.

– Отца с матерью прибрал, так и деньги свои себе оставь! – прорычал он в потолок.

Забрал пожитки и пошел восвояси. Услыхал ли его слова Господь или кто другой, неизвестно. Так или иначе, на выходе из раздевалки Уве уже поджидал посыльный из дирекции.

– Ты Уве? – уточнил он.

– Ну?

– Директор доволен твоей работой, – коротко пояснил человек.

– Спасибо, – сказал Уве и собрался уходить.

Посыльный легонько придержал его за рукав. Уве остановился.

– Директор спрашивает, не хочешь ли ты остаться и продолжить в том же духе?

Уве молча уставился на человека. Скорее всего, хотел убедиться – не шутит ли тот. Наконец кивнул.

Он успел отойти на несколько шагов, как человек прокричал ему вслед:

– Директор сказал, ты весь в своего отца!

Уве не обернулся. Только гордо приосанился.

Так и остался – в стоптанных отцовых башмаках. Не отлынивал, не скулил, не хворал. Старшие товарищи из его смены, правда, толковали промеж себя, что паренек какой-то забитый и малость чудной: пиво после работы с ними не пьет, женским полом особо не интересуется (что уже само по себе странно). Впрочем, яблочко от яблони недалеко падает: Уве был

сыном своего отца, а с батей его ни у кого из путейцев ссор отродясь не бывало. Просили подналечь – Уве не отказывал, просили подменить – Уве подменял без лишних счетов. Со временем в бригаде почти не осталось мужиков, за которых Уве не отстоял бы одну-две лишние смены. А потому мужики рассудили, что Уве – свой.

А как-то ночью, в самую распутицу, под проливным дождем, в двадцати километрах от города сломался старый грузовик, везший рабочих со смены. И Уве починил развалюху, обойдясь одной отверткой и половиной мотка изолянта. И уже после того, спроси любого путейца, каждый сказал бы, что Уве – парень что надо.

На ужин Уве отваривал картошку с сарделькой. Сядет за кухонный стол да часами глядит в окно. К еде почти не притронется. Наконец встанет, выйдет с тарелкой во двор, усядется в «саабе», там и поужинает.

А наутро снова на работу. Так и зажил. Он любил порядок. Так лучше – когда заранее знаешь, что будет дальше. Со смертью отца Уве все отчетливее видел разницу между людьми, которые заняты делом, и теми, кто ничего не делает. Между теми, кто работают, и теми, которые только болтают. И Уве старался болтать поменьше, а делать – побольше.

Друзей у него не было. С другой стороны, откровенных недругов – тоже. Разве что Том – когда его назначили мастером, уж он постарался, чтоб жизнь Уве медом не казалась. Давал парню самую грязную и тяжелую работу, бранил почему зря, ставил подножки в столовой, отправлял под вагон, а после, когда беззащитный Уве ложился на рельсы, Том пускал вагон. Насмерть перепуганный, Уве едва успеет выскочить из-под вагона, а Том уж стоит рядом и гогочет во все горло: «Смотри, паря, а то раскроит тебя, как папаню твоего!»

Уве опускал голову и помалкивал. Умно ли перечить мужику вдвое больше тебя самого? Он просто ходил каждый день на работу и добросовестно трудился. Отцу этого хватало, а мне и подавно, думал Уве. Остальные товарищи уважали его за это. «Чем меньше болтаешь, тем меньше ерунды мелешь, говаривал твой батя», – сказал как-то днем ему один из старых путейцев, работая вместе с Уве в депо. Уве кивнул: кто-то это понимает, кто-то – нет.

Так и в тот день – кто-то понял, почему Уве так повел себя в директорской конторе, а кто-то – не совсем.

День этот пришелся почти аккурат на вторую годовщину похорон отца. Уве только что исполнилось восемнадцать, а Том погорел на краже. Когда он опустошал билетную кассу в вагоне, видеть его мог только Уве. Да вот беда – в вагоне том кроме Уве и Тома никого не случилось. А когда из дирекции явился человек с серьезным лицом и объявил Уве и Тому, что их вызывают к главному, никто на свете даже представить не мог, что из этих двух виноватым окажется Уве. А Уве, конечно, был совершенно чист.

В конторе ему велели подождать в коридоре. Четверть часа он сидел под дверью на стуле, не подымая глаз от пола, когда наконец отворилась дверь. Из нее вышел Том, кулаки стиснуты так решительно, что кожа на руках побелела чуть не до локтей. Том попытался заглянуть Уве в глаза, но Уве упорно смотрел в пол, даже и тогда, когда его ввели в кабинет.

А в кабинете разные люди в костюмах – кто стоит, кто сидит. Сам директор ходит взад-вперед позади стола, слишком сердитый, по лицу судя, чтоб усидеть на месте.

– Присаживайся, Уве! – наконец говорит один из костюмов.

Уве узнает его. Отец как-то чинил его машину. Синий «Опель-Манту». Со здоровенным движком. Владелец «опеля», приветливо улыбнувшись, лаконичным жестом приглашает Уве занять стул посреди кабинета. Словно говоря: ты среди друзей, ничего не бойся.

Уве покачал головой. Владелец «опеля» понимающе кивнул.

– Ну, как хочешь. Это чистая формальность, Уве. Никто из нас не верит, что ты мог украсть деньги. Ты скажи нам, кто взял их, и все.

Уве смотрит в пол. Проходит полминуты.

– Итак, Уве? – окликнул молчуна владелец «опеля».

Уве молчит. Тут тишину прерывает густой директорский бас:

– Отвечай на вопрос, Уве!

Уве как в рот воды набрал. Глаза приросли к полу. Уверенность на лицах в кабинете меняется на легкое недоумение.

– Уве... ты должен ответить на вопрос, ты понимаешь это? Ты взял деньги? – спросил владелец «опеля».

– Нет, – твердым голосом отвечает Уве.

– Тогда кто?

Уве безмолвствует.

– Отвечай на вопрос! – потребовал директор.

Уве поднимает глаза. Выпрямляется.

– Я не из тех, кто закладывает других, – был его ответ.

Тихо стало в кабинете, немало утекло минут, прежде чем владелец «опеля» продолжил:

– Но, Уве, ты пойми... Если ты не скажешь, кто украл, если найдется свидетель, а то и несколько, которые скажут, что украл ты, а? Нам тогда придется думать, что это был ты, – сказал владелец «опеля» (куда девалась приветливая улыбка).

Уве кивнул. Однако ничего не сказал. Директор пытался прочитать правду по его глазам – словно за карточным столом вычислял, блефует ли соперник. Уве бровью не повел. Директор с досадой сказал:

– Ладно, ступай пока.

И Уве ушел.

Четвертью часа раньше Том, вызванный на директорский ковер, с ходу свалил всю вину на Уве. После обеда отыскились два молодых рабочих из смены Тома и с ретивостью салаг, желающих выслужиться перед старичком, стали кричать, что своими глазами видели, как Уве очистил кассу. Скажи Уве хоть слово против Тома, оно перевесило бы слова Тома. Но Уве ответил на слова молчанием. И потому на следующее утро бригадир велел ему забрать вещи из шкафчика и идти в контору.

Когда он выходил из раздевалки, Том на пороге стал глумиться над ним.

– Мазурик! Мазурик! – шипел он.

Уве прошел мимо, не поднимая глаз.

– Вор! Вор! Вор! – подтянул громко, на всю раздевалку, молодой подпевала, лжесвидетельствовавший против Уве, пока один из стариков, знавших отца Уве, не осадил его, отвесив хорошую затрещину.

– ВОРЮГА! – театрально завопил Том, так пронзительно, что слово это еще несколько дней звенело в голове Уве.

Не оборачиваясь, Уве выскочил на вечерний воздух. Глубоко вдохнул. Он был вне себя. Но не то задело, что назвали вором. Людям его породы мало дела до того, что про них говорят. Нет, ему было стыдно потерять работу, на которую отец положил всю свою жизнь, и стыд этот раскаленным шкворнем жег ему душу.

По пути в контору, куда он направился с ворохом своих спецовок, у Уве было время поразмыслить над собственной судьбой. Ему жаль было уходить. Нормальные задания, нормальный инструмент, стоящая работа. Уве решил для себя: когда полиция надлежащим образом разберется с этой кражей, он подастся в края, где можно сыскать такую же работу. Может статься, придется ехать к черту на рога, прикидывал он. Вероятно также, понадобится немалый срок, прежде чем эта уголовная история подзабудется и не станет никого пугать. Благо здесь его ничто не держит. Да и вообще нигде на свете, вдруг осознал Уве. Ладно, зато не стал стукачом. Уве надеялся, что за это отец простит ему потерю работы, когда они встретятся вновь.

Так он просидел в коридоре на стуле почти сорок минут. Наконец к нему вышла пожилая секретарша в строгой черной юбке и квадратных очках и пригласила в кабинет. Притворила

за ним дверь. Уве остался один на один с директором, как был – со спецовками под мышкой. Директор сидел за письменным столом, сцепив пальцы в замок. Оба молча изучали друг друга долго-предолго – хоть картину с каждого пиши да вешай в музей.

– Деньги украл Том, так? – сказал директор.

Это был не вопрос. Скорее констатация факта. Уве не ответил. Директор кивнул.

– Но мужики из вашего рода не закладывают других, так?

И это был не вопрос. И Уве снова ничего не сказал. Только чуть выпрямился на словах «мужики из вашего рода».

Директор опять кивнул. Нацепил на нос очки и, зарывшись в кипу бумаг, принялся что-то строчить. Уве, вытянувшись перед ним во фрунт, на полном серьезе решил, что директор, вероятно, забыл про него. Тогда он тихонько кашлянул. Директор оторвался от бумаг:

– А?

– Мужчину судят по делам его. А не по словам, – вымолвил Уве.

Директор изумился. Паренек за один раз сказал больше слов, чем за два года с тех пор, как поступил на железную дорогу. Уве и сам недоумевал, откуда взялись эти слова. Просто почувствовал, что должен сказать их.

Директор снова уткнулся в бумаги. Написал на одной что-то. Протянул Уве. Велел расписаться. Пояснил:

– Тут сказано, что ты уходишь по собственному желанию.

Уве подписал. Распрямился, на лице написана непреклонность.

– Зовите их, я готов.

– Кого их? – не понял директор.

– Полицейских, кого же, – ответил Уве, складывая руки по швам.

Директор только головой покачал и вернулся к бумагам.

– По-моему, свидетельские показания куда-то запропастились в этой чехарде.

Уве переминался с ноги на ногу, не совсем понимая, что значат эти слова. Директор махнул рукой, не глядя на Уве.

– Ступай!

Уве повернулся. Вышел в коридор. Закрыв за собой дверь. Голова закружилась. Он уже был у парадной двери, когда к нему подбежала секретарша, – Уве слова не успел сказать, как она всучила ему какую-то бумагу.

– Господин директор передает, что вы приняты ночным уборщиком междугородных поездов, завтра утром вам надо явиться к вашему бригадиру, – сухо уведомила она.

Уве уставился на нее. Потом на бумагу. Секретарша наклонилась к нему:

– Господин директор сказал, что вы не взяли чужой бумажник, когда вам было девять. Что он скорее в черта поверит, чем в то, что вы обворовали кассу. Что будет «последней скотиной», если выкинет на улицу сына достойного человека только за то, что сын тоже поступает достойно.

Вот так Уве стал прибираться ночью в поездах и прибирался там два года. А не стань он ночным уборщиком, никогда бы не пришло то утро, когда, возвращаясь со смены, он увидел ее. Ее красные туфельки, золотую брошку и золотисто-каштановые локоны. А ее смех – как забыть ощущение, будто кто-то босыми ножками пробегает по твоему сердцу.

Она любила говорить: «Все пути ведут тебя к твоему предназначению». И для нее в этом определенно что-то было.

А для Уве скорее кто-то.

9. Уве продует батареи отопления

Говорят, в момент падения мозг соображает быстрее. Словно от внезапного прилива двигательной энергии ум, хочешь не хочешь, начинает работать с такой лихорадочной скоростью, что мир вокруг нас замедляется.

Так и Уве успел подумать о многом. Прежде всего – о батареях.

Всем известно: дело можно делать либо правильно, либо нет. И хотя теперь, по прошествии стольких лет, Уве уж и не скажет, какой вариант считал правильным сам, зато помнит наверняка, что вариант Руне точно никуда не годился, когда они схлестнулись, выбирая систему отопления для жилищного кооператива.

Разумеется, дело было не только в отоплении. Уве и Руне знали друг друга почти сорок лет и не меньше тридцати семи из них жили в ссоре.

По правде сказать, Уве и не помнил, как они разругались. Однако их ссора не была внезапной. Скорее она постепенно складывалась из множества мелких стычек, так что со временем получилась гремучая смесь, детонирующая от каждого сказанного слова: стоило раскрыть рот, как старые обиды оборачивались новым взрывом. И так все продолжалось и продолжалось. Пока совсем не кончилось.

Машины тут вообще-то ни при чем. Правда, у Уве был «сааб». А у Руне – «вольво». Ежу понятно, при таком раскладе долгой дружбе не бывать. И все же поначалу Уве и Руне дружили. Ну, или, скажем, пытались дружить – при их-то характерах. Да и то в основном ради своих половин. Все четверо переехали сюда в один год – Соня с Анитой тотчас же стали не разлей вода – им ли было не спеться, имея таких мужей, как Уве и Руне?

Уве помнит, что по крайней мере в первые годы он старался нормально относиться к Руне – по мере сил. Вдвоем они организовали правление жилтоварищества. Уве стал председателем, Руне – его замом. Вдвоем держали оборону против местной власти, затеявшей рубить лес за домами Уве и Руне, чтобы понавтыкать там еще домов. Власти, конечно, клялись, что планировали застроить этот участок еще много лет назад. С кем другим такая аргументация, может, и прокатилась бы, но только не с Уве и Руне. «Ну, все, готовьтесь, гады, к войне!» – прорычал им в трубку Руне. И пошло-поехало. Апелляции и кассации, повестки и сборы подписей, заметки и письма читателей в газетах. Через полтора года чиновники, махнув рукой, перенесли стройку в другое место.

Тем вечером Руне и Уве, собравшись на полянке, пропустили по стопарику виски. Победе своей мужья обрадовались не особо, без энтузиазма отметили их жены. Скорее расстроились, оттого что власти так быстро пошли на попятную. Ведь восемнадцать месяцев этой распри оказались самыми увлекательными в жизни обоих мужчин!

«Неужто нынче никто за принципы свои бороться не хочет?» – удивленно восклицал Руне. «Никто, ни одна сволочь», – отвечал ему Уве.

И они выпили за здоровье своих недостойных врагов.

Разумеется, все это случилось задолго до путча. И до того, как Руне купил БМВ.

«Идиот!» – подумал Уве про Руне в тот день и повторял себе это слово в каждую последующую годовщину этого события. Впрочем, так он думал и во все остальные дни. «Блин, да как тут толком общаться, когда эта бестолочь купила БМВ?» – объяснял Уве Соне, все недоумевавшей, отчего это приятели перестали толком общаться. А Соня закатывала глаза и ворчала: «Нет, ты безнадежен».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.